

АНАСТАСИЯ МОНАСТЫРСКАЯ

КАЙРОС

Созвездие Амнуэля

Анастасия Монастырская

Кайрос

«Остеон-Групп»

Монастырская А. А.

Кайрос / А. А. Монастырская — «Остеон-Групп» ,
— (Созвездие Амнуэля)

ISBN 978-1-5228-1576-1

«Время пожирает все», – говорили когда-то. У древних греков было два слова для обозначения времени. Хронос отвечал за хронологическую последовательность событий. Кайрос означал неуловимый миг удачи, который приходит только к тем, кто этого заслужил. Но что, если Кайрос не просто один из мифических богов, а мощная сила, сокрушающая все на своем пути? Сила, способная исполнить любое желание и наделить невероятной властью того, кто сможет ее себе подчинить? Каждый из героев романа переживает свой личный кризис и ищет ответ на, казалось бы, простой вопрос: «Зачем я живу?». Каждый из них столкнется с Кайросом, но только один выйдет победителем.

ISBN 978-1-5228-1576-1

© Монастырская А. А.
© «Остеон-Групп»

Анастасия Монастырская

Кайрос

Наре

*Мир создан был из смешенья грязи, воды, огня,
воздуха с вкрапленным в оный криком «Не тронь меня!»*

И. Бродский

Время пожирает все.

Больше всех городов Мара любила Питер – за чувство бездомности.

В этом городе она была везде и нигде.

Всем и никем.

Со всеми и сама по себе.

Ближе к вечеру город стирал ее суть, утром рисовал заново. Отражение в зеркале подсказывало, какой Мара будет сегодня.

Сегодня она ведьма.

Квартиру сняла неделю назад. Хозяйка – интеллигентка в пятом поколении – долго извинялась за отсутствие мебели и ремонта. Мара безучастно приняла извинения и заплатила за полгода вперед.

Квартирка была маленькой, выбеленной до нищенской чистоты. В узкой, похожей на чулок, комнате, кривилось окно в облупленной раме. Если забраться на широкий подоконник, можно увидеть весь двор-колодец: толстый тополь с обрубленными ветвями, голубые скамейки под снегом, красный мяч, забытый с осени. На мяче, нахохлившись, сидела грустная и больная ворона. Сюжет для Пикассо.

Все это Маре понравилось.

Понравилось и старинное зеркало во всю стену – овальное, в черной резной раме.

В день новоселья купила кресло и поставила напротив своего отражения. Теперь есть, с кем говорить.

Бабка в зеркале проявилась размыто – то ли амальгама старая, подернутая разводами и временем, то ли бабка пребывала не в духе.

– Опять належке? – подслеповато прищурилась.

– Лишние вещи – лишние судьбы. Сама учила.

– Не тому я тебя учила, – выглядела она и правда неважно. – Да что теперь говорить?

Всегда все делала по-своему!

– Как и ты, – мгновенно очерилась Мара. – Одного поля ягоды.

– Волчьи, на бузине настоянные. Съешь – отравишься! Что, в слова, внучка, играть будем, или сразу к делу перейдем?

– Хоть в слова, хоть к делу. Я тебя не звала. Сама явилась.

Рука с узловатыми нитками вен неуверенно легла на стекло. Примерилась. Надавила. Старые зеркала прочно держат мертвых, не то, что новые. Через новые – любой морок пройдет, не зацепится. После нескольких попыток Софья признала поражение:

– Пора тебе, Марушка. Время стуктами. Не опоздала бы. Дни наперечет. Еще немного, и не справишься. Жаль, не дожила я, помочь не смогу.

– Не дожила – сама виновата, – Мара и без старухи знала, что время пришло. День за днем тасовала имена, не зная, кто сделает первый шаг, будет ли этот шаг правильным и надо ли ей, Маре, вмешиваться. Оставить все, как есть? Пусть между собой передерутся. Один свое

возьмет, и ладно... Маре ничего из обещанного не надо: ни силы, ни власти, ни времени. Свою бы жизнь прожить – хоть и кое-как, но по-своему.

Бабка сделала еще одну – слабую – попытку проникнуть в комнату. Зеркало хрустнуло, подернулось белесоватым инеем. Выстояло.

– Что о том говорить, Марушка? Ошиблась я. Всю жизнь грызла чужие души, а тут ошиблась. Не по зубам душа оказалась. Да что там душа! Душонка!

Старуха ударила по стеклу в бессильной ненависти – появилась тонкая паутинка морщин. Неужели пройдет?

– Придется тебе, внученька, все самой сделать. Помнишь, дитятко, как учила тебя?

Руки слепо и быстро шарили по стеклу, и казалось, что их у бабки отнюдь не две.

– Ты главное, не бойся, – жадно шептала старуха. – Тетрадочку мою возьми, прочитай еще раз и делай все, как там сказано. Поняла? Послушаешь меня, силу невиданную обретешь, мне поможешь. Поможешь ведь, внученька? Кровинушка! Одна осталась.

Застонала:

– Вырваться отсюда хочу, Марушка! День за днем муку терплю – силы на пределе. Холодно тут, неудобно. Не успокоиться. А с тобой мы потом славно заживем. Как раньше.

– Куда рвешься, коли мертвая?

– Думаешь, мертвая, так и со счетов списать можно? – узкие губы приоткрыли ряд желтоватых хищных зубов. – Ошибаешься, внученька. Вам, живым, и не понять, какая власть у вас в руках и что с ней сотворить можно, а мы-то здесь зна-а-а-ем... Вырвусь отсюда – еще служить мне будешь. Прощения попросишь. Го-о-рдая! Всю жизнь гордячкой была, как и мать твоя...

Знала, чем задеть. Пусть и по ту сторону, но былой хватки не потеряла. Только зря про мать напомнила... Тема запретная, неблагодарная. Густая волна ненависти стремительно поднялась по пищеводу, лоб покрылся холодной испариной. Пальцы сами собой сложились в ведьминский знак. Ударить бы по ней со всей силы, наотмашь, чтобы кости хрустнули, смялись, чтобы взвыла старуха от фантомной боли, скорчилась, поникла...

Вовремя опомнилась. Бабка того и ждет, провоцирует, вон как подобралась в прыжке. Чисто кошка. Ей всего-то через стекло пройти, а там никого не пожалеет, внучку – первую уничтожит. Не те времена, чтобы жалеть. Каждый за себя.

Мара с усилием разжала пальцы, сглотнула, отгоняя привкус ненависти:

– Все, выходит, рассчитала. Всем роли распределила. Только и осталось, что за ниточки подергать. Так?

Веки старухи дрогнули. Словно Мара сама их за ниточки потянула. Взгляд злой и колющий. Живой. Все сокрушит, ничего не оставит. Вот и Мара такая же.

– Уходи. Не о чем нам с тобой говорить. Каждый сам за себя. У тебя свой путь, у меня – свой. Не пересечемся.

Бабка зябко куталась в черную шаль и молчала. Даже сквозь стекло Мара чувствовала запах табака и тлена. Так же пахли и мысли.

– Изменилась ты, Марушка. Сильно изменилась. Постарела. Страшно со временем шутки шутить да в прятки играть? Стра-а-а-шно. Правильно боишься. В тетрадочке ведь не все написано, многое здесь осталось, – она постучала себя пальцем по лбу, палец мягко проник в череп до самого основания. Бабка вынула его и недоуменно рассмотрела – лохмотья кожи, сквозь которые желтела кость. Во лбу – дырка с рваными краями.

– Плоти совсем не осталось, – сообщила зачем-то растерянно. – Глею. Больно. И не забыть, здесь и так забыть...

– Уходи, – упрямо повторила Мара. – Оставь нас в покое! Всю жизнь по твоим правилам играем, себя растеряли. Ты же нас уничтожила! Всех!

– Сочтемся обидами? – спокойно ответила старуха. – Пусть так. Честно. Самой надоело притворяться: дитятко, Марушка, кровинушка... Тьфу! То, что ненавидела и ненавидишь

меня, знаю. Так и мне тебя любить незачем. Но люблю. Столько сил в тебя вложено. Только нас с тобой не любовь держит, а время. Оно сильнее любви будет. Время всего сильней. Думаешь, я тут не вижу, как сама к ним подбираешься? Круг за кругом сужаешь. Со мной или без меня – ты все равно это сделаешь. Не противься, Мара. Без меня ты с ним не справишься. Против Кайроса никто не устоит.

– Я справлюсь, – в уголке треснувших губ показалась капелька крови. – У меня – получится. Уже получается.

– Ой ли? Так хорошо получается, что ты теперь и смотреть на себя боишься?

Мара одним движением сбросила халат и предстала перед зеркалом.

– Чего мне бояться? Молода! Красива! От мужиков отбоя нет.

– Ты мне весь свой антураж не показывай – другим оставь, – старуха небрежным жестом приказала надеть халат. – Я тебя сейчас настоящую вижу. И ты себя видишь.

– Почему ты мне не сказала? – глухо спросила Мара, поднимая халат с пола и прикрывая тело, которое несколько месяцев отчаянно ненавидела. – Почему ты не сказала о *цене*?

– Твою – не знала. Свою – да, приняла когда-то, смирилась, – старуха кивнула на стекло. – Чем больше противишься, тем хуже. Время все равно свое возьмет – с тобой или без тебя, ему неважно. Это Кайрос. Нельзя быть во времени, а потом выйти из него. Нельзя дышать им, пользоваться – а потом взять и отказаться: все! мне больше не надо. Лучше сделай, как надо, Мара. Не сопротивляйся. И всем будет хорошо.

Хорошо не будет. Никому. Мара знала доподлинно. Ведьмам это дано – знать. На годы вперед: что, как и с кем будет. Знание горькое, полынное. И оттого горькое, что и свою судьбу знаешь. Знаешь, а изменить ничего не можешь. Как ни крути, как ни путай, выйдет так, как предсказано.

Время играет на вылет. Всегда и во всем. Несмотря на игроков и предложенные условия. Единственное правило, которое нельзя изменить. Играть на вылет. Или навывлет. Это уже нюансы. Но, как сказала бабка, суть одна.

Врет старуха. Шкуру свою спасает, от которой еще немного и совсем ничего не останется. Вот и торопится, пока совсем на нет не изошла. Не скелетом же в этот мир возвращаться? Плоть наращивать – тут силы нужны и мастерство.

Нет ни сил, ни мастерства. Только Кайрос. Всемогущий. Вот он может.

– Приведи их ко мне – разбуженных, опутанных, – шептала тем временем бабка. – Хочешь сюда, к стеклу этому, хочешь к могиле моей. Дальше сама все сделаю. Ты в сторонке постоишь, посмотришь, поучишься... Захочешь – поможешь. Ох, и заживем мы с тобой тогда. Лучше всех заживем. Приведешь?

Четыре имени. Пятое ее – Мары. Она – центр. Бабке все пятеро нужны. И в стороне не остаться. Даже в смерти найдут.

– Приведешь?

Не могу, не хочу, не буду!

– Подумаю.

– Свое, значит, затеяла.

Мара дернула плечом – узким и острым.

– Твое какое дело? Ты – там. Я – тут. Сама по себе. Я тебе не мешаю, и ты не мешай.

Смех у бабки еще при жизни был отвратительным – ржавое железо.

– Ну, что ж... Уважаю, дитяtko. Выросла. Сама по себе. Что ж, думай. Думать – хорошо, если недолго. А задумаешься – еще раз на себя посмотри. Может, тогда решение быстрее придет.

– Пошла прочь!

Бабка угрозу расслышала, отступила. Покаянно сказала:

– Теперь и не знаю, когда свидимся, Марушка. Без зова не приду.

– Не позову.

Губы старухи задрожали. Смерть многих делает сентиментальными.

– Ты – одна и осталась. Все тебе отдала.

– Не просила.

– А я все ждала, когда хоть что-то у меня попросишь. Так и не дождалась.

Мара подошла к бабке. Ладони по ту и эту сторону стекла на мгновение соприкоснулись. В руку ударили сотни холодных игл. Снова стало страшно и холодно. Кругом смерть – что здесь, что там. А жить-то когда?!

– За тебя, внученька, сердце болит, – пожаловалась бабка, и Маре показалось, что на миг вернулась прежняя жизнь. – Сердца нет, а болит. На кладбище-то хоть приедешь?

Мара отодвинулась. Пальцы не слушались.

– По весне. Зима сейчас. Мерзну.

Взгляд за стеклом жадно метнулся к окну:

– Снежно у вас, красиво! Давно такой зимы не было, пока жила – все слякоть и слякоть...

– Метет каждый день, – зачем-то сообщила Мара. – Через сугробы не пройти, хоть на санках съезжай.

Бабка грустно улыбнулась:

– Как на хуторе было хорошо зимой, помнишь? Тихо, сумрачно, печка теплая, и сказки по стенам и потолку бегают. Какую поймаешь, такую тебе и рассказываю. Но ты больше всего про отца любила слушать... Каждый раз – новая сказка. Хочешь, сейчас тебе скажу? Про отца-то?

– Ты... это... лучше иди... Замерзла я с тобой.

Зеркало заиндевело.

Ушла, не прощаясь.

Обиделась.

Мара зажгла сандаловую палочку на подоконнике и закурила, глядя на растущую Луну за окном. Благовоние смешалось с табачным дымом. В горле и в ноздрях защекотало. Неужели заплачет?

Ни намека на слезы. Оно и к лучшему. Не время плакать.

Пальцем зачерпнула теплый пепел и провела по стеклу, рисуя Кайрос-спираль.

У времени нет ни начала, ни конца, время неторопливо бежит по кругу, повторяясь и различаясь. В лицах и судьбах.

Как вообще все могло сложиться, если бы она родилась на день позже...

Ваше хобби? Любимый вопрос на собеседованиях. Доморощенные психологи уверены, что, услышав стандартный набор увлечений: литература, разведение комнатных цветов, вязание или путешествия – они в одночасье узнают подноготную соискателя. Мара на избитый вопрос отвечала коротко: «поиск мелочей», чем напрочь отбивала желание продолжать беседу.

«Поиск мелочей» стал ее визитной карточкой, по которой можно было отследить все перемещения, должности, назначения, коллективы, встречи и романы. Ты можешь менять имена, образы, биографии, но рано или поздно попадешься на мелочах – таких, как, к примеру, поиск мелочей.

Только один человек – Кира Павловна Казус – рискнула поинтересоваться, что это такое.

– Охотно объясню, – Мара знала наперед весь свой дальнейший путь в этой солидной компании и никуда не торопилась.

Кира же этого не знала и потому через каждые три минуты посматривала на часы. Ее нервозность казалась забавной.

– Только лучше всего, если я объясню на примере. У вас есть какой-нибудь любимый исторический персонаж?

Кира задумалась:

– Екатерина Великая.

- Вопрос из школьной программы. Что сделало Екатерину императрицей?
- Политический заговор и помощь войскам, – в школе Кира была отличницей.
- Отнюдь. Императрицей ее сделала пара мелочей.
- Каких?
- Внешность и бедность.

– Ерунда. Так не бывает. Любое событие вызвано комплексом причин, причем причин сложных и, на первый взгляд, непонятных и необъяснимых. И только потом...

Мара терпеть не могла трюизмов, особенно, если их произносили неглупые люди. Перебила:

– Напротив, Кира Павловна, жизнь – на удивление простая штука, она подчиняется простым законам, это мы склонны все в ней усложнять. Привыкли искать черную кошку в черной комнате, зная, что кошки там нет. Вы согласны, что Елизавета могла выбрать для Петра другую невесту, и вся бы российская история, не говоря уже о жизни самой Екатерины, пошла бы совсем по другому сценарию?

– Конечно.

– Все решила понюшка табака. Елизавета нюхнула, зажмурилась, чихнула и, открыв глаза, увидела перед собой миниатюрный портрет немецкой кандидатки. Вот и все.

– Интересно вы рассуждаете, Мара... – Кира посмотрела в анкету.

– Не надо отчество, Кира Павловна, я их не люблю. Представьте себе любое событие как... как тряпчатый мячик – наши предки такие мастерили для детей. Каждая тряпочка – элемент события, а в самом центре сердцевинка – бубенчик там, бычий пузырь с горошинками, орех – в общем, мелочь. Но именно с этой мелочи все и начинается. На нее намотался первый лоскуток – имя, встреча, обстоятельство, поступок. Потом еще и еще... Пока не появился мячик, которым можно играть. Понимаете? Вы бросаете его мне, я бросаю его вам или еще кому-то...

– И кому же?

– Хотите имена?

– Пожалуй, нет.

– Правильно. Имена сейчас – лишнее. В основе каждой катастрофы – личной или природной – лежит такая вот мелочишка, незначительная бирюлька. Из мелочей все рождается. В мелочи же и уходит. Вот вы чем руководствовались, когда из всех кандидаток выбрали мое резюме?

– На мое решение повлияло несколько причин...

– На ваш выбор повлияла мелочь. Только вы не хотите ее увидеть и признать.

– Что ж, будем надеяться, что мое решение выбрать вас из сотни кандидаток не станет катастрофой. Как для меня лично, так и для компании, – отшутилась Кира.

Блажен, кто верует.

...Палец задумчиво вывел новую пепельную спиральку, переплетя ее с первой. Почему бабка появилась именно сегодня? Она никогда и ничего не делала просто так. Ведьма – не та, что бродит по болотам и жаб с мухоморами собирает. Не та, что на метле летает. Не та, что детей бородавками да кривым носом пугает.

Ведьмовство – искусство. Искусство веданья, знания, управления.

Всю жизнь бабка держала Мару на коротком поводке, исподтишка заставляла думать и поступать так, как нужно ей, Софье. Со временем Мара научилась ставить мысленные формы-заслонки, спасающие от пристального бабкиного взгляда. И преуспела в этом так хорошо, что старуха и не догадывалась, как противна Маре вся эта жизнь, все эти ведьминские ритуалы, служение одной великой цели, ради которой Мара, собственно, и родилась.

Нет, не права бабка. Не любила Мара сказок, шуршащих на потолке, от них пахло мышами и плесенью. Но слушала, задавая наводящие вопросы, придумывала сюжеты. Все для

того, чтобы про родителей узнать. Но тут бабка всегда была начеку: лишнего слова не сказала – метафоры да присказки. Вроде бы и обо всем, а копнешь – ни о чем.

– Баба, я на маму похожа?

Пощечина.

– Софьей меня называй. Мать твоя – страшила, а ты – кикимора болотная, на соседней кочке рожденная, тиной вскормленная.

– Софья, а на отца я похожа?

– Нет у тебя отца и не было.

– А как же я тогда родилась?

– Леший принес. У него и спрашивай.

Даже в неторопливых детских снах Мара не могла найти ни отца, ни матери. Кружила по лабиринтам смазанных картинок, звала родителей, придумывала им имена, просыпалась в потной пелене, утешая себя, что в следующую ночь точно повезет: найдет, обнимет, не отпустит.

Про отца только и знала, что живой. Про мать года в три догадалась – могила за домом. У компостной ямы. Именно на этот холмик бабка с проклятиями из года в год помои лила. И чем больше лила, тем лучше цветы росли – розы, тюльпаны, ирисы, лилии. Словно в насмешку над бабкиными усилиями. И не дичали даже. Крупные, яркие, быстротечные. Пахли вкусно. Как мама.

Когда Маре исполнилось одиннадцать и пришли первые регулы, бабка взяла косу в сарае и скосила под корень мамину цветочную полянку. На следующий день они уехали в город. Как выяснилось, навсегда.

Так Мара узнала, что бывают другие люди. И люди эти разные – мужчины, женщины, дети, толстые и худые, молодые и старые. Они стояли на станции. Бабку все сторонились, Мару – нет. Она чувствовала запах – приятный и противный, видела любопытство и ощущала страх, умноженный и растущий. Считывала чужие мысли, и от всей этой какофонии звуков, эмоций и лиц впервые в жизни стало дурно.

Софья восприняла обморок внучки спокойно. Плеснула воды в лицо. Когда Мара пришла в себя, равнодушно хлестнула по щеке.

– Никогда не смей показывать слабость. Слабые умирают, сильные живут.

– Куда мы едем? – Мара редко задавала вопросы, она вообще редко говорила, а тут вдруг осмелилась.

– В Ленинград. Комната там тебе от матери досталась. В городе жить будем.

– Почему?

– Потому.

– Я сюда вернусь. Обязательно вернусь.

Софья пожала плечами:

– Коли дорогу найдешь, так и вернешься. Пустых обещаний не давай – к месту привязывают, свободы не дают. Ведьма без свободы, что подкова без лошади.

Сели в «подкидыш», загрузив многочисленные тюки и сумки (никто не помог, так и стояли, смотря исподлобья). Как только поезд тронулся, Мара обернулась. Весь прежний мир задрожал, предчувствуя вторжение, стал расплываться цветными уродливыми пятнами. Исчезла станция, люди, лес, память. Остались только стук колес и проплывающие деревья за окном – из новой жизни.

Бабка умела стирать воспоминания, правда, не до конца. Разрозненные кусочки иногда всплывали, и Мара терялась, не зная, к какой эпохе их отнести – к той, которая была до города или к той, которая началась в том момент, когда они приехали в Ленинград.

Она вдруг вспомнила, как впервые переступила порог огромной коммунальной квартиры на улице Восстания. Нет, сначала был парадный подъезд и гулкий лифт. Лифт не работал.

– Взгляд держи! – шипела Софья, пока они поднимались по ступеням. – Они – никто! Быдло! С быдлом знаешь, как поступают?! На бойню ведут, а потом режут!

Соседи высыпали в длинный коридор. Маре тогда показалось, что их чересчур много, и они все злые. Только потом поняла, что злых в той квартире не было: были равнодушные. Равнодушие длилось ровно до той минуты, пока не появилась Софья с девочкой – с этой минуты соседи объединились. Против бабушки и внучки.

Софья сорвала с двери полоску с печатями. Уверенно взялась за хрустальную ручку в виде волчьей головы, и они с Марой очутились в широкой комнате с лепными потолками и чужими мечтами.

Мара вошла и почувствовала запах маминых духов: майский ландыш во французском исполнении. Флакончик нашла под диваном, и он стал ее первой и единственной игрушкой на долгие годы.

Как она потом тайком любила эту комнату, нарушив первое и главное правило ведьмы: никого и ничего не любить, ни к кому и ни к чему не привязываться. Комната была ее домом, норой, где зализывались первые раны и где познавались первые уроки взрослой жизни. На старом диване она впервые отдалась соседу Сашке, а потом старательно замывала кровь, чтобы Софья не узнала. Софья, конечно, узнала, но не ругалась, только хмыкнула и заварила тягуч-траву от «последствий». А у Саши на следующий день выскочил фурункул во все лицо, и Мару с тех пор он обходил стороной.

– Дура не потому, что дала, – говорила Софья, пока Мара давилась горьким напитком, – а в том, что дала тому, кто тебя не ценит.

– Он любит меня.

– Он любит свой корень в тебе. А должен за счастье почитать, что смог прикоснуться. Тело твое – драгоценность, не марай его.

В этой комнате она узнала, что Софьи больше нет. Приехала, а бабки нет. Соседи отравили. Крысиным ядом. Нашли управу на старую ведьму. Быдло и на бойне может на рога поднять.

Нет больше той квартиры со старинным паркетом, узкой ванной комнатой, с просторной кухней и шестью холодильниками. Нет больше золоченых дверей, ведущих в чужие сны. Все выжжено. И дома того нет – сгинул вместе с теми, кто посягнул. После смерти Софьи Мара ни разу не назвала ее по имени, только – бабка. Не простила своего долгожданного, но не нужного одиночества. Поражения не простила.

...Мара вернулась к зеркалу. В чернеющем коридоре еще виднелась сторбленная тень. Захотелось вдруг окликнуть, вернуть, и, протиснувшись сквозь стеклянную стену, нежно погладить по морщинистой щеке: «Не надо плакать, Сонюшка. Все еще будет. И даже лучше, чем нам бы хотелось». Вот не любила бабку, ненавидела, а умерла – никого у нее не осталось.

Нельзя.

Нельзя раскачиваться на лунных качелях. Нельзя притягивать мертвых. С качелей можно упасть. Мертвые могут забрать. Всему свое время – живому и мертвому. Жаль, что бабка этого не понимает, все рвется назад, будто ей здесь местечко оставлено. А, может, и правда оставлено? Вот только где? И для чего?

На кладбище надо съездить, права бабка. Помянуть хоть каким словом, цветов принести и зеркальце. Посидеть на кривом пеньке, подумать. Тихо там сейчас, красиво... Может, и на душе станет легче.

Мара прошлепала босиком на кухню. Холодный пол студил узкие ступни с ярко накрашенными ногтями. Ногти на руках она красила бесцветным лаком, педикюр был густо-алым.

Заварила густой кофе, присыпала бежевую пенку корицей.

Пожелтевший на сгибе листок бумаги.

Четыре имени.

С кого начать?

* * *

– Дерьмо!

Вадим швырнул папку, и разноцветные листочки разлетелись по кабинету.

Менеджер креативного отдела (Света? Лена? Таня? Никогда не запоминал имена женщин, с которыми не собирался спать.) неловко наклонилась, собирая бумаги. Постаралась сделать это изящно, но руки и колени дрожали, а под джемпером мгновенно образовалась гармошка жирных складок.

– Через час переделать!

Она бросилась к двери, прижимая к груди забракованный проект новой рекламной кампании. Листы торчали в разные стороны, некоторые смялись. Вадим представил, как эта Света, Лена или Таня ненавидит его сейчас, и усмехнулся. Пусть! Еще больше она возненавидит его, когда через час или два будут зарублены второй и третий варианты, а сама она отправится в отдел кадров за расчетом.

Он привык к тому, что люди его ненавидели. Сначала это огорчало, потом огорчение превратилось в равнодушие. В конце концов, он платит им деньги не за эмоции, а за хорошую работу. Если работа была плохой, переставал платить деньги. Только и всего. А потом увольнял. Ненавидели и уходили. Уходили и ненавидели. Приходили новые, и все повторялось.

Рекламное агентство Вадима переживало не лучшие времена. Впрочем, и реклама в России переживала не лучшие времена. Не самая лучшая страна. Не самые лучшие обстоятельства. Не самые лучшие люди. Не самый лучший он. Все второго сорта.

Вадим не знал, в какой момент все пошло не так: когда исчезли постоянные клиенты, на смену веселой креативной команде пришел болотный офисный планктон, а ему стало неинтересно жить.

Лет десять назад он считал себя везунчиком. Проекты, премии, первые миллионы, бесконечные путешествия – жизнь как бесконечный праздник. Праздник каждый день. Привет Хемингуэю. Год от года краски тускнели, вкусовые ощущения стали пресными, люди – скучными, женщины – старыми, а сам он – грузным и ленивым. Перестал думать. Просто начинал день и заканчивал его без лишних сложностей. На пределе.

– Можно?

Не дожидаясь ответа, в кабинет проскользнула Кира.

– Какого черта?

– Лена вернулась. Плачет.

Менеджер Лена.

Вадим раздраженно щелкнул по клавиатуре.

Delete.

– Она бездарь и завалила проект.

– Вадим, этот проект делал весь отдел под твоим руководством. Заказчику он понравился.

– Значит, заказчик бездарь.

– С каких пор тебя волнуют творческие способности наших клиентов?

С таких пор, как я перестал тебя хотеть.

Она сидела перед ним такая чужая и элегантная, в строгом деловом костюме, под которым дорогое шелковое белье и красивое тело. А он не хотел этого тела. Совсем не хотел. И не понимал, почему. Мысль, которая бесила. Если ты не можешь заняться сексом с женщиной, ты – импотент. Он мог заняться сексом, получить сиюминутное физическое удовольствие, но... не хотел.

– Вадик, милый... – Кира чуть наклонилась к нему, и он увидел кружево под топом.
На дорогом топ-менеджере французский топ. Каламбур...

– Фирме нужны деньги и новые заказы. Перестань капризничать – подписывай.

– Разве ты этого не видишь? – спросил Вадим.

– Чего не вижу?

– Как это пошло.

Он кивнул на папку. Бокал пива на мокрых женских ягодицах.

– И что здесь такого пошлого ты увидел? – Кира взяла распечатку. – На мой взгляд, хорошая идея: секс и жажда. Человек выпивает холодное пиво, занимается отличным сексом и чувствует себя счастливым. В чем проблема, Вадик? Что тебе не нравится? Секс? Пиво? Жажда? Или то, что можно быть счастливым?

– Все это было.

– Все когда-то было, – она расслабленно качнула бежевой туфелькой. Туфелька качалась на большом пальце правой ноги и выглядела самодостаточной. Такими становятся на курсах по личностному росту. – В мире нет ничего нового: мы берем старые идеи и повторяем их. Вадик, здесь нет проблемы! Людям нравится все, что уже было! Людям нравится, когда все привычно и знакомо, когда не надо думать, не нужно переживать, страдать и рефлексировать. Люди не хотят рефлексировать потому, что это больно, трудно и всегда плохо заканчивается. Все, что им нужно, это пиво на женских ягодицах. Или капельки воды на мужском теле.

– Ты зачем сейчас все это говоришь?

– Затем, что ты все это забыл. На пустом месте придумал проблему, усовершенствовал ее и теперь хочешь, чтобы вся фирма вместе с клиентом хлопала в ладоши: «Ах, господин Лемешев, как это вы все тонко придумали! Как вы доходчиво объяснили нам – мы пошлы!» Тебе напомнить, сколько креативных, кстати, придуманных тобой, вариантов мы предложили клиенту? И он выбрал этот, потому, что он простой и понятный.

Потому, что он мудака.

– Примитивный.

– А ты хочешь, чтобы реклама была высоким искусством?

– Я хочу, чтобы она была, как минимум, интересной. И не пошлой.

– Тогда это будет не реклама, Вадим, и ты это прекрасно знаешь. – Туфелька упала на пол. Кира без тени смущения сбросила вторую. Босиком подошла к нему, обняла: – Дело ведь не в рекламе, да? Что-то случилось? Тебе плохо?

– Мне хорошо, – Вадим с детства ненавидел разговоры по душам.

– Нет, плохо, – уверенно сказала она. – Ты в последнее время какой-то странный, на себя не похож. С тобой совершенно невозможно разговаривать! Чуть что – орешь. Может, у тебя кризис? Что ты так смотришь? Что я такого сказала? Скоро сорок – самое время. Все симптомы налицо.

Когда женщина хочет замуж, она говорит тебе про кризис среднего возраста. С ней кризиса не будет. А без нее – вот он, есть. Все симптомы. Хреново.

– Сейчас ты скажешь, что все пройдет. Нужно переждать, побыть одному, разобраться в себе и, наконец, найти главное, ради чего стоит жить.

Ах, как мы сейчас собой любимся! Сеанс психоанализа для декабриста. В главной роли декабристка. Аплодисменты, господа!

Вадим перевел взгляд на шлюмбергеру Буклей в синем горшке. Цветет. И никакого кризиса. И никаких декабристок. Сама по себе.

– Скажу. Не ты первый, не ты последний. Сотни людей так живут, и никто от этого не умирает. Вадик, твое состояние – нормально. Ты достиг середины возраста, время подводить итоги, итоги тебя не радуют. Кажется, что жизнь не удалась. Вот ты и бесишься. С жиру. Жир – это метафора. Знаешь, что говорили китайцы? Кризис – это новые возможности.

Идиотка!

– Ты несешь чушь! Кризис, китайцы, жизнь не удалась, разобраться в себе. Неинтересный я, Кира, чтобы в себе разбираться! Понимаешь? Неинтересный! Ни себе, ни тебе, ни-ко-му... И ты неинтересная. И Лена эта, и клиент наш, и те, кто пиво пьет и баб трахает. Мы все скучны и пресны. Мы никто. У нас и кризисов-то быть не может. Кризис случается у тех, кто думать способен. Чувствовать. Рефлектировать. Мы – бескризисные и бесхребетные. По сто раз на дню слово «я» произносим, а собственного «я» не имеем.

Она протянула ладонь, коснувшись его лица. Когда-то Вадиму нравился этот жест – такой мягкий, интимный. Когда-то. Не сейчас.

– Не надо тебе было из журналистики уходить. Там ты был на своем месте.

– В журналистике нельзя быть на своем месте. Там все места чужие. Это как проходной двор: приходишь, говоришь, пытаешься что-то доказать, надеешься царапнуть вечность словом. И так год за годом. А потом все вдруг раз – и заканчивается. Становишься старым и скучным. Уходишь. В девяносто девяти процентов случаев не возвращаешься.

– Так вот оно, в чем дело... – протянула Кира. – Вот, что тебе покоя не дает! Вечность не поцарапана? Там до сих пор не накорябано: «Здесь был Вадик»? Что мешает? Мелки потерял?

Вадим почувствовал раздражение:

– Потерял! И не только мелки... Сегодня статью читал: «Почему вы не отдыхаете за границей?». С данными соцопросов. Знаешь, какой самый популярный ответ?

– Тут и гадать нечего – денег нет.

Он криво усмехнулся:

– Не угадала. Наши люди не ездят за границу потому, что чувствуют там себя убогими и нищими. Семьдесят процентов россиян никогда не были за границей. Понимаешь? Никогда! А в России они как все, понимаешь?

– Не понимаю.

– Все это, реклама, образы, стиль и образ жизни – звенья одной цепи. Сначала человека устраивает пиво на женской заднице, а потом то, что он живет, как все. Лучше греться в дерьме у подножия горы, чем дрожать от холода на вершине. Как-то так.

Раздражение усилилось. Он едва сдерживался, чтобы не заорать ей в лицо: «Да уйди ты, наконец! Оставь меня в покое!» Оно достигло пика в тот момент, когда Кира ласково обняла и прошептала на ухо:

– Может, уедем на недельку вдвоем?

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять... Сука...

– Ты отдохнешь. Выспишься. Станет легче.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. И дура.

– Ты удивительная женщина, Кира...

Она благодарно улыбнулась.

– ...Ты всегда говоришь и делаешь то, что в данный момент совершенно не нужно.

Господи, да уйди ты!

Она спокойно надела туфли и одернула пиджак.

– Тогда подпиши проект, и я пойду.

– Ах, да... Фирме нужны деньги.

На листе появилась узкая, похожая на стилет, подпись.

– Довольна?

– Вечером встретимся?

– Я тебя не хочу.

Закаменела спиной.

– Опять ты... делаешь больно.

И аккуратно прикрыла дверь.

Правда, оказывается, может быть приятной.

Перед кризисом 98-го в продаже появился апельсиновый сок. Дорогой, вкусный, качественный. Вадим заезжал в первые супермаркеты и закупал его упаковками. Потом случился кризис, и сок исчез. Вадим научился делать свежевыжатый, но вкус у напитка все равно был не тот. Гадал, почему качественный сок не выдержал проверку кризисом и временем. Другие остались – а этот нет. И только потом понял: не выдержал потому, что был качественным.

Люди любят суррогаты. Они боятся качества. Качества жизни, качества бизнеса, качества отношений, качества интересов и качества продуктов. К качеству легко привыкнуть и страшно потерять. Суррогат прост в употреблении и легко заменяем. Его всегда можно оправдать и ему не нужно соответствовать. Оправданий много: вариант «важно, что клиент платит деньги» – одно из них. Ну, выйдет реклама. Девяносто девять процентов аудитории ее даже не заметит, и только один процент скажет: «Кто придумал эту глупость?»

А придумал ее Вадим Лемешев. Изначально зная, что это глупость. Вот только сил и желания не хватило, чтобы это признать. Или ему снова все равно.

Леночка может спать спокойно – она получит свой процент и не пойдет в бухгалтерию за расчетом. Как всегда, пришла умная, добрая Кира и спасла ситуацию. Он – плохой полицейский. Кира – хороший.

Кира, Кира...

Почему же он перестал ее хотеть? В Кире ничего не изменилось: такое же соблазнительное тело, такая же улыбка, такие же признания в любви, она так же, как и раньше, с радостью и наслаждением ему отдается... Так в чем же дело? Что не так? Почему он ее больше не хочет?

Потому, что она суррогат?

* * *

– Мадам, вы как всегда великолепны! – Данила поцеловал Алису в краешек рта. Немного нежности и флирта. Губы у него были холодные, но вкусные, родные.

– Ты опоздал, – хмуро сказала Алиса, но было заметно, что комплимент и выходка сына ей понравились.

Данила уселся напротив и, не глядя в меню, сделал заказ официанту.

– У нас плохое настроение? – поинтересовался он. – Будь на моем месте любимый дедом классик, он бы поинтересовался: «Кто виноват?» и «Что делать?»

– Дед или классик?

– Оба, – улыбка у Данилы ослепительна. – Так кто виноват в том, что у моей красавицы-мамы дурное настроение?

– Ты, дорогой, – в тон ответила Алиса.

– Разрешите полюбопытствовать: и как мне это удалось?

– Девка твоя ко мне с утра приходила. Поздравляю, милый, скоро ты станешь папой.

– Анжела? – Данила примиряющее погладил по гладкой холеной руке. – Мам, ну, ты как маленькая, ей-богу. Барышня решает свои финансовые проблемы. Со мной не получилось. Я ее выставил. Она – к тебе. Нашла, из-за кого расстраиваться.

Алиса облегченно выдохнула.

– Но она была так убедительна, так агрессивна. Тест на отцовство, фотографии, кольцо в три карата.

– И что тебя убедило больше? Тест или кольцо?

– Ты можешь быть серьезным?! – вспылила Алиса. – Что у тебя с ней?

– У меня с ней секс, мама. Безопасный секс. В презервативе. Нет, в двух презервативах. Так что расслабься и забудь. Никаких внуков у тебя в ближайшем будущем не ожидается. И в далеком, кстати, тоже. Не люблю и не хочу детей. Ты же знаешь.

– Правда? – от плохого настроения не осталось и следа, Алиса заказала шампанское и капризно уточнила: – Даник, ты ее бросишь? Она меня очень расстроила.

– Если ты хочешь.

– Хочу! Сделай это прямо сейчас. При мне.

Разговор занял чуть меньше минуты. По завершении Алиса потребовала мобильный телефон и проверила: действительно ли он звонил Анжеле. Успокоилась. Улыбнулась:

– Какое пошлое имя. Где ты их берешь? В борделе?

– Мам, чтобы найти себе блядь, не обязательно идти в бордель. Блядьми не рождаются, ими становятся – за деньги и красивую жизнь.

– Спать с женщиной, которая ценит тебя за деньги?

– В этом я ничуть не отличаюсь от отца, не так ли? Но ведь ты не перестанешь меня любить, мама?

– Тебя невозможно не любить, сынок. Даже твоя ветреность и непостоянство очаровательны. Хотя иногда ты меня расстраиваешь.

– Это у меня от тебя. Конфликт исчерпан?

Данила маленькими глотками пил воду с лимоном и наблюдал за матерью. Как легко ею управлять, даже удивительно! Анжелка молодец, справилась с поставленной задачей. Прирожденная актриса. И чего ее в ГИТИС не взяли? Отработала колечко на все сто, вон как мать перепугалась.

– Мам, ты слишком много работаешь, – начал он осторожно. – Может, тебе немного отдохнуть?

– Сделка на носу, какой тут отдых, – за первым бокалом последовал второй.

Данила и без нее знал о сделке, но у него на сей счет иные планы и иные деловые партнеры.

– Заказать тебе что-нибудь?

– Я на диете! – она печально глянула на соседний столик, куда только что принесли заказ.

В этом ресторане всегда вкусно кормили.

Диета? Прекрасно! Боги на его стороне.

– Тогда еще шампанского! Тебе надо расслабиться.

После четвертого бокала шампанского Алиса осоловела. Язык стал заплетаться, на щеках знакомый румянец. Пила редко, исключительно брют, и на следующий день мучилась тяжелым похмельем. Только сильный стресс мог заставить свернуть с пути трезвости. И таким стрессом были потенциальные внуки. Безумно боялась старости и всех ее атрибутов.

Данила использовал этот прием пару раз и опасался, что сегодня номер «я беременна от вашего сына!» не сработает. Однако мать повелась, и теперь он наблюдал за ней, рассчитывая, когда сможет подсунуть документы. Черт бы побрал деда с его дурацким завещанием!

Ему было немного стыдно, но иного выхода не было: деньги нужны здесь и сейчас, много денег.

После пятого бокала мать все безропотно подписала.

Он отвез бесчувственное тело в роскошную квартиру. Бережно уложил на кровать. На тумбочке оставил стакан с водой и две таблетки аспирина.

Все же он ее очень любил.

Кроме Алисы, у него никого не было.

* * *

Произнеси «Кайрос!» и смотри, что тебе в нем откроется!

Алиса дождалась щелчка двери. Приподняла голову. Точно ушел?

Тишина.

Села на кровати.

Быстрый взгляд на часы – детское время.

Потянулась, хрустнув позвонками. И еще. Пока все в жизни не встало на свои места.

Улыбнулась, заметив аспирин. Какой милый мальчик! Весь в нее. Когда-то Алиса с вечера оставляла пьяному отцу трехлитровую банку рассола. Наутро отец гладил себя по умиротворенному булькающему пузу и приговаривал: «Алиска – молодец! Космос, а не дочь!».

Для других Космосом не стала. Может, поэтому так скомкано, нелепо сложилась жизнь?

Голова приятно кружилась, как бывает после шампанского. Хотелось еще. Достала из холодильника бутылку «Asti», босая прошла в ванную.

Вода в джакузи зашумела, запенилась. Мысли стали легкими и простыми. Предвкушающими.

Хлопок. Дымок. Розовое счастье в бокале.

Сбросила халат и застыла обнаженная, чуть покачиваясь на носках.

Произнеси «Кайрос!» и смотри, что тебе в нем откроется!

Кайрос... Бог счастливого мгновения с длинным чубом. Милый мальчик, чем-то похожий на Даника.

Кайрос – благоприятный момент.

Переход из одного состояние в другое.

Чрево, в котором зреют перемены.

Игра.

Вхождение в события.

Она услышала о Кайросе на одной из бесконечных вечеринок, куда приходила только потому, что нельзя не приходиться. Если ты где-то не бываешь, тебя там забывают. Вот она и отбывала. Чтобы помнили. Из угла в угол – по периметру. Улыбка, кивок головой, снова улыбка. Несколько минут на беседу. Поклон. Все дежурно, технически отработано до мелочей. И снова по периметру.

Вирус скуки, как и вирус среднего возраста, передается воздушно-капельным путем. Вылечить нельзя, примириться, пусть и не сразу, можно.

В этот момент за спиной возникло слово «Кайрос». Алиса обернулась.

Годы, смазанные на лице. Женщине одновременно можно дать и тридцать, и семьдесят. Черное платье-балахон скрывало очертания фигуры. Ни одного украшения. Аромат ладана. Алиса решила, что эта женщина – молода, эксцентрична и себе на уме.

– Вам скучно, – сказала незнакомка.

– Здесь всегда так, – отмахнулась Алиса. – Скука – плата за право быть здесь. Еще пара таких вечеров, и вы привыкнете. Скоро все закончится.

– Вы правы. Скоро все закончится. Вы чего больше боитесь, Алиса, старости или смерти?

Своего имени Алиса не называла, визитку не вручала. Вопрос показался интимным и неприличным. Алиса рассердилась:

– Мы знакомы?

– Мы встречались. Очень давно. Еще до рождения вашего сына. И вы тогда сказали, что боитесь смерти. А теперь?

– Теперь боюсь старости. Но к чему этот бессмысленный разговор?

– Бессмысленные разговоры меняют жизнь. Вы когда-нибудь слышали о Кайросе?

Присели на диванчик. Старуха (теперь Алиса точно видела, что это старуха) вложила в ее ледяные руки бокал и жестом приказала выпить.

Произнеси «Кайрос!» и смотри, что тебе в нем откроется!

...Из поколения в поколение люди совершают одну и ту же ошибку. Они верят, что время можно измерить. В сутках 24 часа, в часе – 60 минут, в минуте – 60 секунд, в секунде... Время течет с одинаковой скоростью, для всех оно одно и то же.

Тот, кто так думает, умирает.

60 секунд, помноженные на 60 минут, вложенные в 24 часа и упакованные в 7 дней. Смерть стремительна и незаметна. За день можно состариться на несколько лет, но это замечаешь только в старости.

Скорость времени у каждого своя. Песочные часы в руках. Тонкая, едва приметная, струйка течет медленно, затем чуть быстрее, еще быстрее и вдруг обваливается горкой на песчаном вздохе.

Все!

Время кончилось.

Вы умерли.

Следующий!

Каждый день – временной разлом: утро-день-вечер-ночь. Переходы незаметны. Вечером невозможно вспомнить утро – каким оно было? Утром – вечер. Линейное время – плохая услуга для памяти. В линейном времени есть прошлое, настоящее, будущее. Но без событий оно всего лишь календарь. События – только у Кайроса.

Люди несчастны потому, что стареют.

Люди несчастны, потому, что не умеют жить в довольстве и радости. Они заняты поисками счастья, пребывают в суете, решают сотни тысяч никому не нужных задач. Подобно Сизифу толкают мир в гору, и погибают под ним. Все, что от них нужно, поверить в чудо.

Но что есть чудо? Религиозные артефакты? Баснословный выигрыш в лотерею? Появление нового бога? Готов ли человек, чья жизнь внезапно и навсегда станет упорядоченной, красивой и радостной, признать, что именно это и есть чудо?

Я счастлив. Потому и существую.

Счастье для большинства – момент эйфории. Вброс эмоций. Всплеск адреналина. Тот, кто декларирует счастье как единственно возможную доктрину своего бытия, в глазах общества – ненормален.

Ненормально быть счастливым каждый день.

Нормально каждый день чувствовать себя загнанным и неживым.

Ненормально постичь полноту своего «я».

Нормально не знать, зачем ты живешь, и чего на самом деле хочешь в жизни.

Ненормально жить качественно.

Нормально умереть кое-как.

Алиса боялась этого – умереть кое-как. Да и жить нормально не получалось. После коротких всплесков радости наступала горечь. За ней приходил страх – старости, нищеты, зависимости. «Женщине необходимо делать что-то, что поможет ей чувствовать себя «живой», и эта часть ее личного пространства должна оставаться неприкосновенной», – Алиса записала в ежедневник. Но что толку от слов! Мужчины, встречи, хобби, экстрим, путешествия – все оставляло ее равнодушной. Физически ощущала, как подкрадывается старость. Морщинка, седой волос, легкий укол в сердце – с каждым днем симптомов становилось больше.

Кайрос дал Алисе то, в чем она больше всего нуждалась. Подчинение. Только теперь не она подчинялась времени, а время – ей. Алиса не стала задаваться вопросом: «Почему я?» Приняла новое знание и новые обстоятельства как должное. В кредит.

Событие – сгусток времени и пространства. У этого сгустка свой ритм и своя частота. Уловить ритм – значит, настроиться на событие. Войти в него – значит, пожелать, чтобы все в нем развивалось по твоим правилам и по твоему желанию.

Мы входим в событие, и оно становится живым.

Мы выходим из события, и оно умирает, остается в прошлом.

Иногда мы в нем остаемся, и оно прорастает в нас. На долгие-долгие годы.

Есть события линейные и с многочисленными комбинациями. Благоприятные и нежелательные. Долгожданные и ненавистные. Свои и чужие. В чужие попадаешь намного чаще. Свои, когда такое случается, называешь удачей. Но кто сказал, что удача не может быть постоянной величиной?

Это произошло в спортклубе, где Алиса занималась каждую неделю. Тренировки давались тяжело – по своей природе Алиса была ленивой. Она встала на беговую дорожку. Тренажер привычно показал цифры: 3. 2. 1. Старт. Полотно под ногами загудело, натужно шевельнулось, пошло, наращивая скорость.

Хочу, чтобы тренировка уже закончилась.

Первый шаг. Время вдруг стало густым и плотным, обволокло тело, будто мягкий теплый кокон. Потянуло за собой. Она физически ощутила это – новое – движение. Дыхание выровнялось, пульс участился. Ноги в кроссовках равномерно отбивали ритм. Впервые за долгое время тело, ум и чувства находились в полной гармонии.

Она не заметила, как без усталости и раздражения отшагала час вместо стандартных двадцати минут. Тренажер замер, и она сошла с него, ошеломленная новым знанием.

«Я просто хотела, чтобы тренировка быстрее закончилась».

Беговая дорожка стала психологическим «якорем». В дальнейшем Алиса усовершенствовала прием. Теперь достаточно представить свой первый шаг и гудение тренажера, и она без усилий проскальзывала в нужные ей события. В них всегда было так, как она задумывала: проблемы решались сразу же, нужные люди встречались на пути, словно заранее поджидали, она легко и свободно получала все, что хотела, на зависть окружающим...

Чем чаще Алиса входила в состояние Кайроса, тем моложе выглядела. Но иногда – в такие моменты, как сейчас, – не покидало ощущение, что это знание – плод чьей-то больной фантазии, и за все бонусы, полученные сегодня, придется платить завтра. Вот только какой будет цена?

Алиса вздохнула и вошла в ароматную воду. Глотнула шампанского.

Новый Кайрос.

Новое событие.

Все получится.

Жаль только, что она так нехорошо подставила Даника.

Бедный мальчик... Впрочем, он сам этого хотел. Всего лишь одна подпись на мятом листочке, но так хотел Даник и... Кайрос.

* * *

Я стала ведьмой от горя и бедствий поразивших меня.

Павел Сергеевич Казус терпеть не мог роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Стоило только услышать об этой книге или об этом авторе, у него начиналась мигрень. Врачи уверяют, что мигрень – болезнь женская. Но Казус был уверен: из любого правила бывают исключения. Вот и его мигрень – такое исключение.

Боль возникала всегда одинаково и примерно в одно и то же время. Ближе к вечеру ныл затылок, затем в виски начинали стучать маленькие молоточки-тамтамы, и на голову падал острый, раздражающий венец. С каждой минутой он все сильнее примыкал к коже, пока не становился с ней одним целым.

В глазах темнело, и Павел Сергеевич практически терял сознание от мучительных спазмов и надвигающихся мороков.

Мороков было два.

Первая – некрасивая беременная женщина. Поддерживая тяжелый живот, неуклюже входила в комнату, присаживалась на краешек кровати и тихо-тихо на высокой пронзительной

частоте начинала жаловаться. Павел Сергеевич с трудом разбирал слова, но та тоскливая интонация, с которой они произносились, причиняла ему невыносимые страдания. Он почти не дышал рядом с ней, чувствуя, как заходится сердце в очередной мучительной судороге. Как ни пытался, не мог вспомнить, ни кем она была, ни ее имя, ни возраст... Но на следующий день упорно искал некрасивые, но столь трогательные черты в бесконечной веренице женских лиц, словно только эта ночная незнакомка могла сделать его жизнь по-настоящему полноценной и счастливой.

Вторая появлялась реже. Черная старуха, похожая на жердь. Действовала более бесцеремонно – подходила, ощупывала голову костлявыми желтыми руками, словно проверяла: все ли печати на местах. Там, где прикасалась, тамтамчики взрывались с новой силой и, теряя сознание, он видел, как улыбается старая ведьма. После нее в комнате пахло полынью.

Утром он просыпался совершенно здоровым. И так до следующего полнолуния. Сколько себя помнил. Все последние сорок лет. Что было до этого – детство юность, отрочество, первые годы в институте – Павел Казус не знал. Врачи говорили: последствия психологической травмы. Жена была уверена, что на мужа давняя порча, периодически предпринимала попытки ее снять. Он покорно пил приготовленные травы, читал заговоры, ездил к бабкам-знахаркам, но память по-прежнему была крепко запечатана. Да он и сам толком не знал, так ли уж хочет проникнуть в свое прошлое.

Понедельники Казус переживал тяжело. Вставал поздно, пережидая, когда уйдут жена и дочь. Плелся в ванную, включал воду и, пока под струей взбивалась ароматная пена, готовил себе кофе. Ложился в теплую воду, отмокая, пил маленькими глоточками любимую арабику. На специальной подставке, купленной по случаю в Швеции, стояла книга, из плеера звучал джаз. В такие минуты Павел Сергеевич чувствовал себя бесконечно счастливым и восхитительно одиноким.

В другие дни недели подобной роскоши себе не позволял, понедельник был исключением.

Но сегодня все пошло не так. Кира осталась дома. Повалевшись полчаса, Казус нехотя поднялся с постели, закутался в яркий полосатый халат и вышел на кухню. Заварил кофе, присел за стол и только тогда спросил:

– На работу не опоздаешь?

– У меня проблемы, папа. И мне нужна твоя помощь.

Последний раз проблемы у Киры были в пятнадцать лет, когда потребовалось сделать аборт. С тех пор она взяла за правило все в своей жизни решать сама. Сама вышла замуж, сама развелась, сама вернулась в большую родительскую квартиру. Теперь успешно делала карьеру и собиралась замуж за генерального директора фирмы, где работала.

«При чем тут я?» – подумал Павел Сергеевич. Осторожно уточнил:

– Какого рода помощь? Личная или профессиональная?

– Профессиональная, папа.

– Мы же договорились...

– Знаю, папа. Да, мы договорились, что ни я, ни мама никогда не будем использовать твои профессиональные знания в личных целях. Но у меня нет другого выхода. Карьера трещит по швам, личная жизнь разваливается. Я вообще не понимаю, что происходит! Ты мне поможешь?

– Нет.

– Я знала, что ты откажешь. Черт бы побрал твою профессиональную этику.

Она закурила и вдруг заплакала. Это было так неожиданно – плачущая Кира, – что Павел Сергеевич растерялся. Он никогда не видел ее слез, даже в детстве. Когда Кира разбивала коленку или когда ее бросал очередной поклонник, сохраняла скучающе-презрительное выражение лица. Они с женой ее так воспитали: слезы – это слабость. Нужно действовать, а не плакать.

И вот сейчас она сидела на кухне и редела, размазывая кулачком по лицу макияж.

Павел Сергеевич неловко погладил дочь по голове. Волосы у нее оказались неожиданно мягкими, как шерстка у котенка. Он ласково подул ей в затылок, как в детстве. И она, всхлипнув, прижалась к отцу. Как она сказала? Черт бы побрал профессиональную этику!

– Тише, родная, – прошептал он в котячий затылок. – Успокойся! Истерика проблемы не решает. Кстати, в чем твоя проблема? Подожди, не отвечай. Давай, я еще сделаю кофе, и мы поговорим.

– Спасибо, папа! Я только умоюсь.

Она появилась в тот момент, когда он ставил чашки на стол. Свою и Кирину. У него – из тонкого английского фарфора с затейливым кельтским узором, таким же тонким и затейливым блюдечком. Чашка Киры – большая, пузатая с серым медвежонком и надписью I love you. Там, где у мишки должно быть сердце, красовалась грубо пришитая заплатка. Павел Сергеевич подумал, как одинока его дочь. Странно, что он этого совершенно не замечал.

Видимость важнее сути.

А какая она, видимость?

Прекрасная, ухоженная, спокойная. И только два предательских красных пятна на щеках выдавали волнение.

– Давай договоримся. Я задаю вопросы, ты отвечаешь на них четко и ясно, без эмоций. Я анализирую ситуацию и только потом принимаю решение: помогать тебе или нет. Договорились?

– Договорились.

– Итак, в чем твоя проблема?

* * *

Вадиму хотелось выпить. Сидел в своем кабинете и мечтал о том моменте, когда все встанут и пойдут домой. А он снимет пиджак, ослабит узел галстука, закатает рукава рубашки и достанет виски. Плеснет в толстый бокал маслянистой жидкости и с наслаждением выпьет. А потом еще, пока в душе не потеплеет.

До этого сладостного момента оставалось ровно семь часов. Обычно по понедельникам они приезжали в офис вместе с Кирой. Сотрудники встречали начальство быстрыми понимающими взглядами, но комментировать взаимоотношения генерального директора и заместителя вслух не решались.

Сегодня Кира позвонила за полчаса до начала рабочего дня, сухо проинформировала, что немного опоздает.

Лишенный эмоций голос разозлил Вадима. Бросил трубку. Не любил сухих голосов, черствого хлеба и грязных аквариумов.

Его аквариум всегда был чистым. В прозрачной воде плавали семь золотых рыбок и одна черная. Как того требует фэн-шуй. В жизни все должно быть по фэн-шуй. Любимая поговорка Киры.

Кира... Кира...

Вчера они снова поссорились. Невинная шутка переросла в безобразную сцену. А что он такого сказал? Ничего особенного. Просто похвалил ноги своей новой помощницы. Только и всего. Ноги у Мары красивые – щиколотки тонкие, колени аккуратные, и вся эта гладкость, стройность возбуждает. Грудь у Мары тоже хороша – пышная, упругая, соски сквозь ткань торчат. Все, как он любит. И еще рот – красный, влажный. Спрашивается, с чего Кира завелась? Разве преступление – восхищаться красотой другой женщины?

– Она шлюха, Вадим, – спокойно ответила Кира, только пальцы подрагивали. – Месяц как устроилась, и в коллективе – разброд и шатание. Все только и делают, что обсуждают прелести

твоей секретарши. Лично я прелестей не вижу – она же страшна, как смертный грех. Неужели ты этого не видишь?

– Ты ревнуешь. Мара – личный помощник.

– Личный? Вадим, я понимаю, что у секретарши должен быть широкий круг обязанностей, так уж сложилось исторически. Но мы скоро поженимся... Ты должен держать себя в руках. Это неприлично. В конце концов, унинительно.

– Я разве сделал тебе предложение?

Кира удивилась. Ей-богу, она действительно удивилась:

– Но мы же встречаемся! Четыре года! Проводим выходные вместе, отпуска, мы спим вместе. Для меня это очень серьезно! Я думала...

– Я не собираюсь жениться, Кира, – мягко и тихо ответил Вадим. – Ни на тебе, ни на ком другом. Я – холостяк, понимаешь?

– Даже если я рожу от тебя ребенка?

– Даже если ты родишь от меня ребенка. Это твой выбор – рожать или не рожать. Если ты помнишь, в самом начале наших отношений я сказал тебе, что не хочу иметь детей. Мне они не нужны.

– А что ты хочешь? – как все женщины, она плакала некрасиво.

– У меня все есть.

– А если у тебя не будет меня?

– Переживу.

Плевать на условности! Деловых встреч на сегодня не предвидится. Это его фирма, и он в ней хозяин. Хочешь выпить, Вадим Александрович, – выпей!

Виски согрел горло. Стало легче.

Он подошел со стаканом к окну и рванул пластиковую ручку. В лицо метнулись белые хлопья. Снег и виски – хорошо! То, что в жизни надо!

Еще один глоток. Дым на языке. Голова приятно кружилась. Вадим снял галстук, расстегнул ворот и закатал рукава рубашки. Телу было холодно, душе – тепло.

Жаль, что получился такой разговор. Честность для женщины хороша в малых дозах. Это как шампанское: от одного бокала розовеют щеки и пробуждается желание, а от бутылки – пучит и болит голова. Может, стоило пожалеть? А потом что? Марш Мендельсона, пленки-подгузники и секс по расписанию?

Нет, все правильно, все так, как и должно быть. Никаких клятв, никаких признаний и никаких обязательств. Плыви по течению и наслаждайся жизнью.

Он и сам не знал, когда появился иммунитет ко всему, что люди называют любовью. Видимо, для этого тоже нужно иметь способности. Или, на худой конец, желание. Ни тем, ни другим не обладал.

Во многом отношения с Кирой были скучны, но очень удобны. Больше всего нравилось, каким податливо-текучим, каким влажным становилось ее тело в минуты любви. Он скользил языком по напряженной белой шее, обводил бугорок пульсирующей голубой жилки, затем розовые полукружья груди и надолго застывал над трогательным белым животом, нервно подрагивающим от неторопливых прикосновений.

...Снег кружился над петербургскими крышами. Несмотря на морозы, Нева в этот год так и не замерзла. Вадим смотрел на черное полотно, наслаждаясь его глянцевой поверхностью. Как должно быть там холодно! Он специально выбрал офис на Васильевском острове, поближе к реке. Из окон весь центр как на ладони: летом с вкраплениями зелени, осенью – с пятнами рыжины, зимой все вокруг становилось монохромным, черно-белым, как сейчас. Но вне зависимости от времени года Нева жила собственной жизнью, она манила и притягивала. Иногда он оставлял машину на платной парковке и шел домой пешком, вдоль Невы, продуваемый иглами ветра. И становилось хорошо.

– У тебя необычные духи.

– Я не пользуюсь парфюмом, Вадим Александрович, – ответила Мара. – В приемной ваш заместитель и психолог. Запускать?

Вадим резко обернулся. Запускать. Словно она говорила о щенке, нагадившем в тапки, которого хозяева сначала выставили на улицу, но затем пожалели. Но ему понравились и тон, и слово. Понравилось, что и Кира не рискнула зайти сама. Понимает, значит, что назад пути нет.

– Подойди!

Вадим привлек ее к себе. Под тонким шелком черной блузки – только тело, горячее и возбуждающее. Вадим расстегнул пуговки, и груди, вынырнув, оказались у него в ладонях. Упругие, с яркими торчащими сосками. Так и хотелось потрогать языком. Но вместо этого он жадно пился губами в теплый влажный рот. Мара не сопротивлялась, призывно выгнулась, отвечая, но от ее поцелуя почему-то стало не по себе. Словно силы, желания, вся его прошлая жизнь – все сразу – внезапно закончилось. Осталась оболочка, под которой пробуждалось что-то новое, темное и пугающее.

Он отпрянул:

– Сейчас не время. Зови Киру.

Мара неторопливо застегнула блузку. Он только сейчас заметил большой кулон. Вода в серебре. И снова потянуло к ней – непреодолимо, с каким-то горячечным первобытным желанием. Усилием воли сдержался.

– Следов от помады нет? – зачем-то спросил он.

– Я не пользуюсь декоративной косметикой, Вадим Александрович, – в ее голосе послышалась издевка. – К вам Кира Павловна и господин Казус.

* * *

День у Сары не задался с самого начала. Ее уволили. Алиса Михайловна приехала в офис в дурном расположении духа, Сара подвернулась еще в лифте, а потом попала на глаза в коридоре. Пара коротких фраз – участь решена.

Потом Сара получала расчет, собирала вещи и плакала в туалете. Сейчас слез не было, но веснушки на лице пылали от унижения. Опять не повезло.

«В кого ты такая уродилась, шестипалая! – говорил отец. – У всех дети как дети, а у нас урод!»

Мать Сару вообще не признавала, и только в пятнадцать лет Сара узнала, что это не мать, а мачеха.

– А где моя мама?

– Умерла, когда тебя, шестипалую, рожала.

На левой руке у Сары действительно было шесть пальцев. Она считала себя уродиной, хотя, по мнению врачей, ничего страшного в таком заболевании, как гексадактилия, не было.

– Вам мешает шестой палец? Физически? – спросил хирург в частной клинике.

– Физически – нет. Но я чувствую себя уродом.

– Уро-одом? Вы – уникальны, – быстрый взгляд в карточку, – Сара Тарасовна. Шесть пальцев – причуда природы. Это отклонение, если, конечно, его так можно назвать, считается очень редким, примерно один случай на пять тысяч новорожденных.

– То есть мне повезло?

– Конечно! – воплощение энтузиазма.

– И в чем же? – квинтэссенция пессимизма.

– У вас шесть пальцев, красивых пальцев, надо признать. Смотрится необычно. Используйте недостаток как достоинство.

Операцию так и не сделали. Отец пробурчал, что удовольствие это дорогое, и денег не дал. Мачеха с ним согласилась. Сару она никогда не любила, несмотря на то, что своих детей у нее не было. Может, потому и не было – из-за Сары. Там, где Сара, все не так.

На свои жалкие заработки она могла снимать однокомнатную квартиру, покупать дешевые продукты и одеваться на рынке. Впрочем, все это было вчера. Сегодня ситуация изменилась.

Уволена.

С отвращением посмотрела в зеркало.

Мышь! Рыжая!

Отражение показало расплывшуюся фигуру, тусклые волосы, скрученные в пучок, крупные веснушки (даже уши и те в веснушках!) и шесть пальцев. Как же она ненавидела этот шестой палец! Сосредоточие всех несчастий! Вот если бы его не было...

Саре нравилось играть в «если бы»...

Если бы мама не была еврейкой, Сару называли бы по-другому.

Если бы мама не умерла, они жили бы все вместе, без мачехи. И были бы сестренки и братишки.

Если бы не было шестого пальца, отец бы ее любил, и все в жизни складывалось бы удачно.

Если бы она не была такой рыжей и веснушчатой, то вышла бы замуж, и опять же все в ее жизни шло хорошо.

И вообще все могло быть иначе, если бы...

Если бы ее не уволили сегодня.

Как только человек увольняется, он становится прокаженным. Она чувствовала себя тройне прокаженной: ее уволили, у нее шесть пальцев, и она еврейка.

«Никто ее не брал, а я взял! – бравировал отец на семейных торжествах. Мачеха тонко улыбалась. – Да, я взял еврейку в жены. Назло всем! Не помри она, в Израиль бы уехал. Жил бы сейчас как все нормальные люди. Только дура она – померла. Дочь на меня оставила. Такая же дура. Правильно мать говорила...».

Что же теперь делать? Из полученных при расчете денег она сможет оплатить квартиру. Хозяйка как раз завтра придет... Купить круп и хлеба...

А дальше?

Дальше придется искать работу.

Сара задумалась: а как ее ищут? Сюда она пришла после *той* истории, села на стул и с тех пор так и сидела, разве что стулья иногда менялись: вместо деревянных – компьютерные. Она так привыкла к этой работе, так срослась с ней, что перестала со временем замечать рутину будней, и даже редкие праздники воспринимались как само собой разумеющееся. В праздники спала до полудня, потом шла в гости к отцу и к мачехе. Больше не к кому. Привыкают же люди к скучной жизни? Вот и она привыкла и даже научилась находить в такой серой, расписанной на годы вперед, жизни свое удовольствие. А жизнь взяла, да и закончилась. И что теперь? Не умирать же!

В последний раз Сара спустилась на веселом оранжевом лифте. В последний раз прошла через турникет, приложив к нему оранжевый пропуск. Зеленый свет сменился красным. Обратного хода нет.

Из кафе упоительно пахло едой, и она вдруг поняла, как проголодалась. Обеды в кафе позволяла себе раз в месяц – вкусно, но очень дорого! А сейчас пожалела о своей бережливости. Больше не будет ни салатов, ни супов, ни мясных и рыбных закусок, и уж тем более великолепных десертов, которые здешний шеф-повар готовил великолепно.

Могу я поесть перед уходом?

Вопрос риторический.

Неуклюже толкнула дверь и, дрожа от нетерпения, направилась к стойке с салатами. Итальянский, Альпийский, Купеческий... Сырный супчик, пюре и свиная поджарка в густой подливке, морс, пирожное со сливками. Расплатившись, оглянулась – есть ли свободный столик. Поднос оказался тяжелым, а стакан с морсом так и норовил съехать. Местечко оказалось лишь одно – за столиком сидели Алиса Михайловна и смутно знакомый молодой человек.

Сердце испуганно ухнуло, когда поняла, что идет к ним. Не спрашивая разрешения, молча составила тарелки с подноса, подвинув посуду соседей, и уселась. Ассорти из салатов показалось необыкновенно вкусным. Лицо Алисы стало растерянным и злым, Сара это очень понравилось.

– Вас же уволили! – обеденное меню начальницы было диетическим.

– Уволили! – радостно сказала Сара, погрузив ложку в густой сырный суп. – По вашей милости, Алиса Михайловна, я теперь безработная и нищая. Скажите, а каково это? За пять минут решить судьбу человека? Пнуть на дно?! Не потому, что он заслужил, а просто так – по капризу.

Молодой человек перевел взгляд на Алису. Гладкий и холеный. Сара боялась таких – холеных и гладких. На то были свои причины. А этого она знала когда-то – в другой жизни. Только он ее, кажется, не узнал. И хорошо. *Та* Сара давно умерла.

– Так как, Алиса Михайловна?

Алиса приняла пас:

– Спрашиваете, каково это? Что ж... Видимо, первый урок, полученный от меня, вы запомнили. Напомню. Что чувствуешь? Удовольствие. Это невероятно возбуждает. Власть вообще приятная штука, когда есть расходный материал.

– А как вы понимаете, что перед вами расходный материал?

– А что тут понимать? Это же видно, – улыбнулась. – Вот вы, к примеру, деточка, расходный материал. Быдло. В вас нет ничего особенного. Ничего того, чем бы вы были дороги миру. Значит, миру до вас нет никакого дела.

– В вас, значит, есть?

– Во мне есть. В моем сыне это есть, – коротко кивнула в сторону своего спутника. – Хотя бы по факту рождения. Мы – из высшей касты, вы – из низшей. И знаете, в чем еще отличие, деточка? Я о вас забуду через минуту, а вы будете помнить обо мне и ненавидеть всю жизнь.

Сара медленно облила ложку и посмотрела в лицо бывшей начальнице. Вот в чем дело, оказывается! Высшая и низшая каста. Лучшее и худшее. Ну да, обычная теория в духе Достоевского.

Лет двенадцать назад, еще до *той* истории, она бы ответила. Припечатала бы смачным острым словом так, чтобы Алиса запомнила это слово на всю оставшуюся жизнь. Как же они чувствуют чужую слабость! Как присасываются, стремясь окончательно и бесповоротно уничтожить, не дают восстановить дыхание и пульс, сминая, топчут, бьют, размазывают. Только так они могут почувствовать свою силу – в унижении слабого.

Что ж, права бывшая начальница. Сара – никто. Все выжжено. Нет ничего, кроме сосущей пустоты и горечи под языком.

– Что же вы молчите, дорогая?

– Все так, Алиса Михайловна. Однако вы забыли, что у нас, у низшей касты, есть одно преимущество перед вами.

– И какое же?

– Нам нечего терять.

Скрещенье взглядов.

Первой не выдержала Алиса:

– Даник, нам пора!

Направилась к выходу, покачивая узкими бедрами, обтянутыми в золотистую замшу. Сара зачарованно смотрела Алисе вслед. Некрасивых женщин не бывает, бывают неухоженные. Рядом с Алисой любая чувствовала себя неухоженной и неуклюжей.

– Не сердись, – прошептал в ухо щекочущий мужской голос с нотками греха и мускуса. – Маман ревнует...

Эта женщина способна ревновать? Сара удивленно уставилась на молодого человека.

Данила ласково взял ее за руку, усмехнулся, заметив шестой отросток, и вдруг – к ее ужасу и восторгу – поцеловал палец.

Она задохнулась от мучительной судороги внизу живота.

– Маман не права, – тихо сказал Данила. – Помнишь, какой ты была? Особенной. Купи красивое кольцо, такой пальчик достоин лучшего украшения. Договорились?

* * *

За прошедшие годы она сильно изменилась. Растолстела, подурнела. Огненная яркость, столь привлекавшая его в юности, исчезла, уступив место дряблой серости.

Вадим наблюдал за бывшей любовницей вот уже полчаса, равнодушно отмечая и первые морщинки, и желтоватую кожу, расплывшееся тело. Неужели он когда-то ее любил? Первый порыв – подойти и поговорить – миновал. Теперь он пил кофе в баре рядом с кафе, курил сигарету и терпеливо ждал, когда Дэн натешится дешевыми комплиментами и направится к выходу. То, что Вадим застал друга с бывшей любовницей, только добавляло пикантности. Впрочем, вся жизнь состояла из таких пикантных моментов и неожиданных встреч.

Дэн что-то сказал, и женщина зарделась. Вадим хорошо помнил эту реакцию. Она всегда так реагировала на комплимент – веснушки вспыхивали яркими искорками, а белая кожа за считанные секунды становилась матово-розовой, словно наполненной светом. В такие минуты Сара необыкновенно хорошела. Как сейчас. Что-то, похожее на сожаление, шевельнулось в глубине сердца, и Вадим досадливо отмахнулся.

Дэна удалось перехватить на улице. Он вальяжно захлопнул дверцу автомобиля, склонился в шутовском поклоне. Алиса Михайловна рассмеялась и послала сыну воздушный поцелуй.

Вадим завидовал их отношениям. Всегда мечтал, чтобы в его семье было так же, но его мать приучила к холодно-деловым отношениям. С раннего детства они были на «вы». Он даже мамой никогда ее не называл – Татьяна. Единственным, кого мать любила страстно, был отец. Спился рано. На похоронах бабка со стороны отца плюнула в сторону матери и сказала: «Твоя вина, Таня!». Вадим так и не дознался, в чем была вина. В том, что пил? Или в том, что не любил? Или в том, что любила до беспамятства?

Он хорошо запомнил последний разговор с отцом. В тот день Лемешев-старший пил много, не хмелея и злобясь. Татьяна позвонила и сказала, что задерживается на работе. После звонка отец заметно повеселел и расслабился:

– Садись, сына, выпьем. Мужик уже – уважь отца, составь компанию.

Вадим присел на краешек стула, взял в руки стакан, пригубил.

– Любовь бабы – яд, сына. Убьет тебя, а ты и не заметишь. Беги от тех, кто без тебя жить не умеет. Со всех ног беги. Нет ничего хуже, чем жить с такой – постылой.

– А ты сам любил кого-нибудь? – спросил и испугался.

– Мамку твою и любил. Настоящую. А жизнь прожил, выходит, зря. Вот с этой...

С тех пор мысль о «настоящей» мамке не выходила из головы. Вот только спросить было не у кого. Может, потому и сбежал от Сары в свое время, чтобы у его детей была настоящая мамка.

Дэн называл подобные размышления душевным онанизмом.

- Какими судьбами? – у Дэна был новый парфюм. Морской бриз с хвойными нотами.
- Проходил мимо. Решил кофе выпить, сигарету выкурить, с другом поговорить.
- Короткий цепкий взгляд.
- Проблемы?
- Проблемы, Дэн. Серьезные проблемы.
- Они вернулись в тот же бар, уселись за тот же столик, где он десять минут назад пил кофе. Заказали коньяк.
- Вадим украдкой бросил взгляд в кафе.
- Ушла, – тихо сказал Дэн. – Сразу же после нас. Маман ее сегодня уволила.
- Уволила? Кто из вас владелец фирмы?
- Плечи Дэна станцевали недоуменное па. Что за вопрос?!
- Владелец фирмы – я. Король и бог. Мать – вдовствующая королева. Долг сына – исполнить прихоти матери. Любые.
- Так ты ее узнал?
- Не сразу. Палец увидел и вспомнил. Столько лет прошло.
- Все былшем поросло.
- Вадя, такие истории вечные. Ты можешь о них забыть, но спустя годы они вернуться и снова напомнят о себе. Нельзя уничтожить женщину и остаться безнаказанным.
- Можешь считать, что наказание состоялось, – Вадим залпом выпил коньяк и потребовал новую порцию. – Фактически я банкрот.
- Женишься?
- Хуже.
- Женишься по залету? – уточнил Данила.
- Матримониальных планов нет, – процедил Вадим. – Проблема в другом. Если образно, то я вдруг осознал, что вся моя жизнь – «Титаник». Впереди айсберг.
- А если без метафор и по существу?
- По существу. Все было хорошо, теперь плохо.
- Так не бывает.
- Как раз так и бывает. Сидишь на палубе роскошной яхты, пьешь виски, обнимаешь блондинку, потом видишь перед собой айсберг и в следующее мгновение оказываешься в ледяной воде. Побарахтаешься немного и пойдешь ко дну. Если повезет – под красивую песню.
- Сейчас какая стадия?
- Увидел айсберг.
- Любопытно, как ты пришел к такому выводу...
- Кира привела в офис психолога. Папу.
- Дэн присвистнул:
- Твоя Кира?
- Она не моя.
- Твоя – не твоя, не суть. Главное, тебе удалось заполучить великого Казуса.
- Ты его знаешь?
- Сталкивались. Деньги берет огромные. Но работа стоит того. Любого человека наизнанку вывернет. Знаешь, Вадя, все эти слова: личностный рост, техники продаж, профессиональное выгорание, моббинг и прочая хрень – всего лишь ширма. А за этой ширмой – люди. Живые. Непредсказуемые. Слабые. Сильные. Подлые и порядочные. Люди, которые могут пустить твой бизнес под откос или сделать тебя миллионером. Поэтому людей, Вадя, недооценивать нельзя. А у Казуса есть удивительная способность – делать людей предсказуемыми. Он настолько точно просчитывает мотивацию любого из нас – диву даешься. Так что скажи своей Кире большое человеческое спасибо и следуй всем рекомендациям Казуса. Глядишь, избежишь своего айсберга.

– Уже сказал, но последовать не могу.

– Почему?

– В качестве одной из возможных мер Казус рекомендует закрыть фирму, усыновить больного ребенка и отправиться куда-нибудь на Гоа. Там я буду счастлив. Без работы и с чужим ребенком. Тебе сказать, как я ненавижу детей?

– Не стоит, – мягко ответил Дэн. – Давай о чем-нибудь другом. Хотя бы о твоём кризисе и его причинах.

– Тебе интересно?

– Нет. Но я тебя выслушаю.

– Демонстрация альтруизма?

– Полтора часа свободного времени. Могу подарить. Без-воз-мез-дно.

– О, твоя щедрость не знает границ.

Вадим уже почти жалел, что приехал сюда и затеял этот нелепый разговор. Все это – призраки Сары, собственные проблемы, надвигающееся банкротство, Дэн в черной кашемировой водолазке – все раздражало. Особенно водолазка, под которой угадывалось поджарое, тренированное тело.

Дэн тактично нарушил молчание:

– Итак, у тебя кризис. У любого кризиса есть причины. Твои причины?

– Люди. Не смотри на меня так. Они самые. Люди. Я умудрился собрать вокруг себя тех, кто меня ненавидит. По мнению Казуса, я не способен управлять бизнесом, так как не способен работать с людьми. Казус считает, что они мне безразличны.

– А как ты считаешь?

– Они мне действительно безразличны. Но без них, как ты только что справедливо заметил, никуда. Как вариант – можно сменить команду. Но боюсь, что не поможет. Кира как-то заметила, что я обладаю удивительным свойством аккумулировать ненависть по отношению к себе. Ее отец это подтвердил.

– Забавно, – протянул Дэн. – То же самое Казус сказал и про меня. За нас?

Вадим коснулся бокалом чужого стекла. Коньяк показался горьким и невкусным. Несмотря на общий месяц рождения, общий круг знакомых, общие увлечения, они были разные. И с каждым годом разница становилась жестче. Проверенная дружба превращалась в отчуждение. Причину этого до сегодняшнего дня никак не мог понять, а сегодня – вдруг – ему пришла в голову странная мысль. Все дело в Саре. Да, да, в ней. Она – ключ ко всему. Эта женщина обладала фантастической способностью все портить. Тогда и сейчас.

– Ты думал о том, что будет через десять лет?

– А смысл? – Дэн отбил замысловатый мотивчик по столешнице. Звук получился грустным и гулким. – Очередная психологическая разводка, придуманная мозгоправами. Через десять лет нас может не быть. Стоит ли тогда беспокоиться? Вот ты, когда Сару бросил, думал о том, что будет потом?

* * *

Зачем он спросил про Сару? И вообще о чем они говорят?

Вадим его тяготил. Как тяготило все вокруг.

Он хотел быть свободным, но... не получалось. Сколько ни анализировал, не мог понять, в чем дело. Может быть, в том, что к своим годам он оказался всем должен? И с каждым днем чувство долга становилось все более неподъемным. Как вообще получилось, что он запутался в отношениях с друзьями, женщинами, партнерами и самое главное – с матерью? Хотелось уехать. Неважно – куда, просто уехать. Налегке. И никогда не возвращаться.

В свое время именно это Казус и предложил. Простое и эффективное решение. Других у Казуса не было.

– Уезжайте, – сказал тогда Казус. – Лишние связи вас тяготят. Обрастая ими, вы теряете свое «я». Есть люди, которые не созданы ни для любви, ни для дружбы, ни для родственных отношений. Они слишком поверхностны, чтобы долго оставаться на одном месте. Подобно воздуху, вас влечет жизнь, где вы никому и ничего не должны. Уезжайте, пока не поздно. Дальше будет только хуже.

Но Дэн остался. Пригвоздило что-то. С тех пор прошло пять лет, и стоит признать: Казус оказался прав. С каждым днем становилось только хуже. Больше всего Дэн мучился оттого, что их отношения с матерью, ранее такие ровные и красивые, стремительно ухудшались.

Свою подпись о передаче фирмы сыну Алиса восприняла равнодушно. Дэн ожидал слез, угроз, приготовил патетическую отповедь, но Алиса лишь скорчила гримаску:

– Мог бы просто попросить.

– И что, ты бы отдала мне компанию? Не верю!

– Не Станиславский, – она вспыхнула на секунду, но гнев тут же погас. – Даник, ты взрослый мальчик. Хочешь сам порулить? Не вопрос. Рули, если знаешь, как лучше. Не буду мешать.

– Не сердись? – каждый раз, когда Дэн смотрел на мать, восхищался ею. В ней было все, что Дэну так нравилось в женщинах. Дед всегда говорил, что Алиса – как жизнь, непредсказуема, ужасна и прекрасна. – Правда, не сердись?

– Ты – внук своего деда, – едва заметное облачко пудры, безмятежность взгляда. Ей действительно было все равно. – Только у меня одна просьба, милый... Позволь своей маме сохранить статус-кво. Оставь меня английской королевой. Договорились?

Как он мог отказать?

И вроде все вышло так, как хотел, но не оставляла мысль, что его надули. Алиса действительно отошла в сторону и ни во что не вмешивалась, если не считать сегодняшней выходки с Сарой. Дэн заключил контракт, который давно хотел заключить. Получил первую прибыль, удовлетворил амбиции. И тем не менее, не испытал радости победы. Все оказалось не так. Пресным. Теперь еще и Вадик со своим айсбергом из папье-маше. Поистине люди вначале придумывают свой ад, а потом его благоустраивают.

Дэну захотелось оборвать тишину, словно за ней стоял кто-то, кому он не мог и не хотел доверять.

– Как думаешь, наверху кто-то есть?

Вадим равнодушно взглянул на потолок.

– Там?

– Ну, бог, случай, судьба, обстоятельства, рок, фатум... Кто-там наверху. Неважно. – Дэн и сам не понял, почему заволновался. – Существует некая сила, заставляющая нас поступать так, как мы поступаем, жить так, как мы живем, в определенный момент встречаться с определенными людьми и проходить мимо других. Мы ничего не можем изменить. Понимаешь? То есть нам кажется, что можем, но на самом деле все давно предопределено и придумано. И кто-то там, наверху, внизу, вокруг – заранее знает, как все с нами будет.

– А мы?

– Мы – нет.

– Гнилой фатализм, – после паузы ответил Вадим. – В бога не верю. Равно как и в обстоятельства. Бога и обстоятельств нет. Все остальное – синонимы. И этого остального тоже нет. Ничего нет.

– А мы есть?

– Подловить хочешь? Мы есть.

– Ты в это веришь? В то, что мы есть?

– Допустим.

– А в себя веришь?

– Я дерьмо, Дэн. Животное, которое живет не умом, а инстинктами. Мои инстинкты естественны, желания примитивны: поесть, поспать, посрать, потрахаться. Этим занято девятью девятью процентов населения Земли. О, знакомый взгляд! Сейчас ты мне скажешь про победу духа над плотью, о силе любви и стремлении человечества сделать добро для ближнего своего. Вранье! Ни к чему такому человечество не стремится. Нам плевать друг на друга. И все чаще – плевать на себя. В наши дни даже эгоизм вымирает. Чего молчишь?

– У тебя нитка на рукаве.

– И что?

– Кто-то там, наверху, за нее дергает.

Вадим раздраженно стряхнул нитку.

– Кто дергает-то?

– Бог, но ты же не веришь в бога.

– Бог тоже участвует во всемирной теории заговора?

– Похоже на то. Или не бог, а кто-нибудь похуже. В случае с богом есть иллюзия, что он все-таки нас любит. Извращенно, конечно, но любит. А вот другой...

– Кто, например?

– Кайрос. Не слышал о таком?

– Опять ты за свое, – подсадовал Вадим.

Дэн взглянул на приятеля. Обрюзг. Вместо густой шевелюры – седой ежик. На запястье массивный «ролекс» – символ статуса и безвкусицы.

Дэн не понимал людей, которые носят часы. Время надо чувствовать. Время надо проживать. Когда-нибудь всегда наступает точка невозврата, и весь твой статус, имя, деньги, все те ценности, ради которых жил, вкалывал, дышал, перестают быть значимыми. Кто-то подается в монахи. Кто-то уезжает в бухту Тимбукту. Кто-то растит детей или умирает. Вариантов сценария – миллиарды. Ровно столько, сколько людей на свете. Все это ему объяснил Казус. Дэн тогда придумал историю любви и разлуки, изображал переживания и мучился от того, что ничего не чувствует. Ну, ушла и ушла... Невелика потеря. Будут и другие. И женщины, и потери. Только почему он ничего не чувствует?

– Вы не способны любить, – сказал Казус. – Вам, Даниил, надо принять этот факт, примириться с ним и как-то жить дальше.

– Павел Сергеевич, скажите, я урод?

Казус снял очки в толстой роговой оправе. Дэна всегда удивляло, что он носил именно такие очки – дешевые и некрасивые. Глаза у Казуса были близко посажены и, казалось, жили отдельно от лица.

– И в чем ваше уродство, позвольте спросить?

– Мне все время хочется быть одному.

– И?

– Разве этого мало? Человек не может жить в одиночестве.

– Кто сказал вам подобную чушь?

– Все говорят.

Очки вернулись на место. Казус внимательно изучал Дэна. Словно тот был экспонатом в Кунсткамере – заспиртованным эмбрионом, который вдруг взял и заговорил.

– Вы нормальны. Если позволите каламбур, вы нормальны до ненормальности. Вам внушили, что нужно жить в стае. Быть вместе со всеми. Дескать, так легче выжить.

– И что здесь неправильного?

– Всё. Мы разные. Кому-то действительно легче в стае, кто-то задыхается от связей, обязанностей и чувства долга. Как вы, например. Это не хорошо и не плохо. Это данность. Вы

такой. Перекати-поле. Расстались с девушкой, и вам хорошо. Она вернется – вам тоже будет хорошо. Ровно до того момента, пока вы этого будете хотеть.

– Я никогда не любил.

– Я тоже.

Дэн растерялся.

– Но у вас есть жена, дочь и...

– К нашему разговору это не имеет отношения. Человек привязывается к другому человеку, когда наиболее остро чувствует свое одиночество. Самые сильные влюбленности – от одиночества. От неумения быть самому себе интересным. Чем сильнее ты любишь, тем менее ты нужен самому себе. Влюбленность как форма сильной эмоциональной зависимости – патология. Влюбленность убивает чувство самосохранения.

– А секс?

Очки снова на столе. Казус потер переносицу.

– И секс, и дружба, весь спектр человеческих отношений – попытка переложить собственные страхи на других. Самый сильный страх – страх смерти. Обнимая женщину перед сном, вы защищаете не ее, вы убиваете мысль о том, что смертны. С тем же успехом можно обнимать плюшевого медведя. Плюшевой медведь даже лучше. Он занимает меньше места, его можно сбросить с кровати, когда надоест. Медведь не обидится. Вы по-прежнему уверены, что вы урод?

– Ничего в себе не понимаю.

– Это нормально. Люди предпочитают про себя не знать, – мимолетная улыбка сменилась на мимическую скуку.

– Нет, вы не поняли. Все плохое, самое гадкое в себе я знаю. Бездна близорука. Щурится, всматривается, но видит расплывчато. К черту Ницше! Я все сам про себя узнал. Без нее. Знаю, что любить не умею, тягочусь отношениями, предаю без зазрения совести, бросаю. Но я не знаю ничего хорошего в себе. Должно же быть во мне что-нибудь хорошее? Что-нибудь особенное?

– Девяносто пять процентов населения – посредственность.

– Я не посредственность!

– Девяносто пять процентов думают точно так же.

– И то, что они родились для совсем иной, благородной и красивой участи?

– Конечно. Единственное утешение: мы ошиблись во времени. Или время ошиблось в нас.

– Слабое утешение.

– Какое есть. Но почему это вас так волнует? Нет ничего зазорного в том, чтобы прожить простую, сытую, мещанскую жизнь. Кормить канареек на окне, поливать герани, проверять уроки у старшего и менять подгузник младшему, иногда, по праздникам, изменять жене, но убеждать и себя, и ее, что она единственная. Это хорошая жизнь, Даниил. Поверьте, правда, хорошая.

– И у вас она есть?

– Разве я сказал, что она мне нужна? Я доволен тем, что у меня есть.

И напоследок. Словом в спину.

– Знаете, в чем парадокс, голубчик? Чем сильнее мечтаешь о подвиге, тем более ты смешон. «Дон-Кихота» очень скучно читать. Но еще скучнее бороться с ветряными мельницами. Не боритесь, Даниил, уезжайте.

– Разве можно убежать от себя? – спросил Дэн, не оборачиваясь.

– Убежать от себя невозможно. Вы правы. Но можно уйти вперед. И тогда ваше «я», возможно, вас догонит. Все в этой жизни стоит делать не спеша и с удовольствием.

– А умирать?

– И умирать, Даниил, нужно не спеша и с удовольствием. Выбрать день и умереть.

Он раз за разом возвращался к этому разговору, не в силах понять, что же тогда упустил. Что-то очень важное, без чего сегодня почему-то не складывалась жизнь.

– Что делать? – тоскливый вопрос Вадима вернул в настоящее. – Как жить?

– От меня-то что хочешь услышать?

– Ничего, – Вадим рывком поставил бокал.

Ножка хрустнула, и сосудик, наклонившись, так и остался стоять на столе – инвалидом.

Дэну стало его жалко. Он всегда жалел щенков, котят и особенно – неодушевленные вещи. «Мама, смотри! Плюшевый зайка! У него мордочка грустная и лапки нет! Давай возьмем его домой?» – «Даник, ты забудешь о нем через час! Сколько можно? Весь дом в этих мордочках!» Он все равно брал, спасал и через час забывал.

– Ничего, – повторил Вадим. – Думал, будет интересно встретиться, выпить, поговорить. О бабах или еще о какой-нибудь ерунде – кризисе среднего возраста или, чего уж там, духовном просветлении. Мы же друзья.

– Были когда-то. Ты о ней когда-нибудь думал?

– О ком?

– О Саре.

– Ни разу. Как отрезало.

– Ты ее любил?

– Еще по коньяку?

– Давай. Напьешься – лицо проглядывает.

В ожидании заказа Дэн рассеяно крутил на столе вазочку со свежими цветами. Оживился, увидев официантку:

– У вас здесь не кафе, а рай: шиповник в феврале.

– Да хоть в марте! – на безымянном пальце правой руки тускло светилось обручальное кольцо, и от этого рука казалась тяжелой и сломанной. – Из Голландии привезли. Там все есть.

– Все есть в Греции, – холодно поправил Вадим.

– Без разницы. Дальше Купчино не была.

Официантка метнула на стол бокалы, одновременно протерев поверхность тряпкой. На полной груди подсакивал золотой крестик. Сквозь светлые колготки проступали толстые синие вены:

– Еще что-нибудь?

– Вы верите в чудо?

На мгновение задумалась:

– Муж верит. Приду, будет – водка.

– Появляется?

– Иначе уььет.

Собрала грязную посуду, положила счет на шербатое блюдечко и, тяжело ступая, направилась к стойке.

Дэн педантично оборвал лепестки.

– Неужели она не видит?

Вадим посмотрел в окно. В сгущающихся лиловых сумерках розовый куст, облепленный цветами, казался сказочным и неживым. Он словно плыл в метели, и от его вида хотелось либо жить, либо умереть.

Дэн сгреб лепестки в кучку, бросил в пепельницу, поджег:

– Природа совсем спятила. Это единственное, что мне сейчас нравится. Ощущение, что не только я – все вокруг сошли с ума. Вчера аистов видел. Вили гнездо в сугробе. Возле офиса нашел землянику. Спелую. В лесу грибы. На кустах почки зеленые. Люди почти нормальные – вежливые. Улыбаются. В чудеса верят.

– Это глюки, Дэн. Обычные глюки.

– В смысле сначала закусывай, потом завязывай? – Дэн зло усмехнулся. – В том-то и дело, что не глюки, а самая настоящая реальная жизнь. Сумасшедшая. Мир спятил, и чем быстрее ты это признаешь, тем легче будет жить. Без рефлексий. Среди таких же сумасшедших, как ты и я. Вместе оно как-то веселее, спокойнее, что ли. Бежать больше некуда и незачем – сидим, пьем, закусываем, ждем.

– Чего?

– Помнишь, как ты на выпускном вечере клялся, что твоя машина, квартира и женщина будут круче моих? А я всегда знал, что мои квартира, машина и женщина будут в сто раз лучше. И они действительно были лучше. Потом ты взял реванш. Сейчас вроде как делить нечего. У тебя все по высшему классу, у меня все по высшему классу. Жизнь удалась. Ты в Гонолулу был, а эта тетка дальше Купчино не выбиралась. Кому повезло?

– Дурацкий вопрос.

– Вопрос, Вадик, правильный и совсем не дурацкий. Потому что повезло ей, несмотря на твою Гонолулу и еще сорок две страны, о которых, если спрошу сейчас, ты ничего не сможешь рассказать. У савана карманов нет. И с собой, туда, ты свой «бентли» не утащишь, шлюх своих породистых не захватишь. ТАМ все это не имеет никакого значения. ТАМ и ЗДЕСЬ значение имеет только одно – хочется тебе жить или нет. Вот этой бабе, несмотря на то, что денег нет, а муж пьет и бьет, жить хочется. А тебе – такому красивому, успешному – нет. Раньше тоже не хотелось. Ты притворялся.

– Красиво расписал. Как в романе, – процедил Лемешев. – Только одна неувязочка. Что же твоя счастливица роз на снегу не видит?

– Потому что, в отличие от нашего, ее мир нормален. В ее мире розы круглый год везут из Голландии, по грибы ходят осенью, а землянику собирают в июле. И она не на «Титанике», Вадик, она в реальной жизни. Она не видит того, что видим мы. А мы не видим того, что видит она. Эта тетка живет. Может быть, даже по-настоящему. И, может быть, иногда она даже счастлива.

– А мы?

– А мы с тобой занимается душевным онанизмом: ищем выход из ситуаций, которые существуют в нашей системе координат. И ничего в этой самой системе координат не понимаем.

– Думаю, что и бог ни черта об этом не знает. Создал человечество, а как в него играть, до сих пор не понял.

– А ты бы понял?

– Я бы разобрался, – серьезно ответил Вадим. – В другой жизни я хотел бы быть богом.

– Это трудно.

– Сволочью быть проще всего. А богом... Нужно только изредка совершать чудеса, и люди в тебя поверят. И самое страшное, что ты сам в себя поверишь.

– Что ж тут страшного?

– Мания величия не означает величия.

– Возьми Сару на работу, – неожиданно попросил Дэн. – И она в тебя поверит.

– Мне оно надо?

– Тебе – надо. И мне – надо. Ей – нет. Мы в долгу перед ней.

– Добренькое хочешь сделать. Моими руками.

– Своими не смогу. Извини. Ты все равно ко дну идешь. Какая разница, что и как будет?

А тут – сюжет. Возвращение в прошлое. Истории должны быть закончены, какими бы они ни были. Дай ей шанс отыгаться. Для тебя скука. Для нее – жизнь.

– Золушка на новый лад? Через месяц-два волшебным образом преобразится, а я пойму, какое счастье потерял? Кольцо с бриллиантом, предложение руки и сердца на коленях, фата, холодец, пупс на капоте и прочая хрень?

– Как вариант.

– Не сработает.

– Ты ее помнишь, Вадик. И я ее помню, – сказал тихо Дэн. – С нее все началось, ею все и закончится. Очень сложно впускать в свою жизнь тех, кто тебя ненавидит, но иногда это нужно сделать.

– Зачем?

– Чтобы совесть успокоить, по ночам лучше спать. И чтобы в январе не цвел ни один розовый куст. Дай ей работу. Верни остатки уважения. И, может быть, как раз это тебе ТАМ и зачтется. Нам ведь немного осталось.

В густеющих сумерках лицо Вадима казалось бледным. Лицо покойника.

– Так ты знаешь? Давно?

– Сегодня понял. Ее увидел и все понял. Про тебя, про себя, про нас. Истории должны заканчиваться. Так она говорила.

Вадим долго молчал.

– Договорились. Я ее возьму на работу. Только я ее уничтожу. Закончу то, что не смог сделать тогда. Теперь уже по-настоящему. Все равно терять нечего.

– На этот раз она тебя уничтожит.

– Спорим?

– Спорим.

– На что?

– На Кайрос.

* * *

Петр Аркадьевич Сухопаров не любил зиму. Зимой он быстро толстел и становился раздражающе медлительным.

Каждый день, ровно в час дня Петр Аркадьевич выходил из серого здания на торце Суворовского проспекта и шел пешком в Смольный – обедать. В Смольном готовили вкуснее, дешевле и разнообразнее. Столовую, точнее кафе, в Правительстве Ленинградской области, где он работал, Сухопаров также не любил. Как не любил и свой кабинет, в котором, помимо него, сидели еще две одинокие барышни. Барышни соревновались за внимание Сухопарова, но делали это пошло и неинтересно. Бесконечные и неумелые знаки внимания утомляли, а ремень, больно впившийся в нагулянный за зиму жирок, раздражал.

До отдельного кабинета Петр Аркадьевич еще не дорос. Не дорос он и до Смольного. Подниматься по служебной лестнице оказалось невероятно трудно. То ли отдышка мешала, то ли червячок сомнения, сидевший глубоко в подсознании. Так что за пять лет на государственной службе он с трудом одолел всего лишь пару крутых ступенек – став первым замом второго зама. Иными словами, никак себя не проявил, и начальство от этой лености вдруг забеспокоилось, предчувствуя подвох. А ну как подсидит?

Последние три месяца жизнь Сухопарова стала невыносимой. Он без конца писал отчеты, переделывал документы, ходил на заседания и думал, что не доживет до весны. По ночам будили мороки, запах влажной, чуть подгнившей земли, и он просыпался от странного чувства, что все в его жизни идет не так. Ближе к утру становилось совсем плохо, и Петр Аркадьевич коротал рассвет на кухне, спрятавшись в большой чашке черного горького чая.

Понедельник не стал исключением. Сухопаров брел по вычищенной асфальтовой дорожке и думал о том, как все его достало. Рядом шли такие же, как и он, государственные

единицы, важные, сытые, гладкие. «Мы все одинаковые, – мелькнула мысль. – Не различить. Хорошо еще, что паспорта у всех разные. И должности. Хоронить станут – не спутают».

Человек, попавший во власть, практически сразу меняет привычки, мировоззрение и гардероб. Было бы странно, если бы он продолжал ходить по правительственным коридорам в неполитических носках. Как раз это Петра Аркадьевича нисколько не удивляло. Удивляло другое. За считанные дни новоиспеченный чиновник начинал говорить на другом языке. Язык был, как латынь: мертвый и гладкий. Не нужно правильного произношения, достаточно правильной тональности.

Сухопаров снова и снова вслушивался в эту речь. Она была мягка, округла, словно крупная галька, обкатанная океаном. Безупречна в своей значимости. Даже неправильные ударения не нарушали должного впечатления. Многолика и суха, как хамелеон на солнце, она была разумна, добра и даже претендовала на вечность – длиной в квартал.

Разговаривая с коллегами, Сухопаров чувствовал себя гусеницей, упавшей на страницу Большой советской энциклопедии. Узнавал отдельные слова, но не понимал общего смысла. И становилось тошно. Оттого, что ему ввали. И он знал, что ему врут, но был вынужден слушать, как ему врут. Зачем? Чтобы знать, в чем именно ему врут.

Ну, знает он, а дальше-то что! От этого только хуже. Куда ни шагни, везде цугцванг.

Он разделся в гардеробе, миновал контрольные воротца и пошел на запах еды. Малиновые ковровые дорожки вытерты, хотя их совсем недавно меняли. Новый виток раздражения.

В столовой взял первое, второе, салат и компот. Уселся за свободный столик.

– У тебя свободно? – начальник плюхнулся напротив. – Отчет готов?

Сухопаров что-то промышчал в ответ. Настроение колебалось на отметке zero и в любой момент могло уйти в минус. Он не хотел думать ни про отчет, ни про начальника, ни про себя.

– С девчонками ладишь? – начальство шумно хлебало кислые щи. – Правильно делаешь. Привечай, но держи на расстоянии. Девки у тебя в отделе немолодые, незамужние, напридумывают себе черт те чего, а нам с тобой потом решай. И спать не вздумай!

– С которой? – Сухопаров позволил намек на иронию.

– Ни с одной. Мы с тобой, Петя, идем на повышение! Очень скоро идем. Документы все уже там, – многозначительный взгляд в потолок. – Все должно быть безупречно.

Так и сказал: мы. Подразумевая, что, если Петя будет хорошим, если Петя будет паинькой, то он, так и быть, возьмет Петю за шкирятник и подтащит наверх, раз у самого Пети ни ума, ни силенок на это не хватает.

Кивнул, старательно изображая благодарность. Здесь так принято. Хочешь удержаться на ступеньке – изображай.

– В Смольный-то хочешь? – спросил вдруг начальник. Его щеки горели, а дыхание слегка отдавало коньяком. Коньяк на морозе – первое дело для сердечника.

– Хочу, – ответил Петр, допивая компот. – Все хотят.

– Но не все попадают. Помнишь, мультик такой: «Все псы попадают в рай»? Мы его с дочкой часто смотрели... – начальник вздохнул и рефлекторно потянулся в карман – за фляжкой. Вовремя опомнился, достал платок, вытер лоб и вышел.

После развода начальник часто выпивал, и Петр Аркадьевич знал, что никакого повышения не будет. В этой системе можно годами держаться на плаву, не двигаясь с места, а можно и камнем уйти на дно. Неблагонадежность заразна.

Петр Аркадьевич вспомнил вчерашний день, и ему тоже захотелось выпить. Сколько они с Ларисой встречались? Год? Два? Теперь и не вспомнить. Познакомились на какой-то вечеринке, понравились друг другу, сошлись. С ней было тепло, спокойно и удобно. Сухопаров-старший Лару одобрял и регулярно заводил разговор о свадьбе. Лара в ответ загадочно улыбалась и иногда оставалась на ночь.

Вчера она тоже осталась. Навсегда. Утром отец выглядел смущенным и одновременно счастливым.

– Тебе придется найти квартиру, Петя, – ласково сказала Лариса. – Мы не торопим, конечно, но ты – большой мальчик, сам понимаешь: медовый месяц и все такое.

– Понимаю.

– Недели хватит?

– Уложусь, – он прошел в свою комнату и плотно закрыл дверь. Хлипкая фанера едва приглушила русалочий смех и звук поцелуев на кухне.

Рухнул на кровать, еще хранившую запах духов, обреченно закрыл глаза.

Эх, Петя-Петя, Петя-дурак! Герой русской народной сказки: «Как Петя счастье свое искал, да прошляпил».

На отца не злился. Да и на Лару не держал обиды. Пустяки, дело житейское! «Была тебе любимая, а стала мне жена!» Так ведь и любимой не была, себе-то зачем врать?. Повстречались – разбежались. И, как все интеллигентные люди, останутся в хороших отношениях.

Хорошие отношения – никакие отношения.

Он еще покопался в себе и вдруг с удивлением обнаружил ростки злости. Чувство было новым, неожиданным и очень сильным. Петр Аркадьевич даже остановился, пробуя его на вкус. Он злился на себя.

Неправда, когда говорят, что проблема – как змея, кусающая себя за хвост. Проблема – не вещь в себе. Проблема – в человеке. Вот Сухопаров и был такой проблемой. Только до этой секунды он никак не мог понять, что с ним не так, что он делает неправильно и почему он это делает. Вся жизнь показалось заплесневевшим куском хлеба. Выбросить бы! Ну, выбросишь, а дальше?

А что, собственно, дальше? Почти сорок. Семьи нет. Квартиры нет. Машины нет. Денег нет. Его самого нет. Для чего все это, что люди называют нормальной и счастливой жизнью?

Сухопаров миновал охрану и подошел к лифту. Ждать пришлось долго. Смотрел в свое размытое отражение, ощущая, как к горлу подбирается тошнота. Двери открылись. Сухопаров вошел, нажал круглую яркую кнопку с номером и осторожно проглотил склизкий комочек. Вроде обошлось.

Коридоры власти были узкими, длинными и запутанными. Сухопаров рефлексивно петлял, то и дело останавливаясь, чтобы пожать влажные гладкие ладони и ответить, как идут у него дела. Хреново идут! Но он растягивал пересохшие губы в улыбке и говорил, что все хорошо, а будет еще лучше.

Из приоткрытой двери начальственного кабинета – легкий коньячный флер. Вдруг тоже захотелось выпить, но выпить нечего, не с кем и не к месту. Хотя на последнее, честно говоря, совершенно плевать.

Он открыл дверь и споткнулся на пороге. В ноздри ударил свежий запах молодой земли – жирной и влажной, почему-то напомнившей жадное женское лоно.

– Ой, извините! – коллега Оленька торопливо подметала пол. Вторая – Машенька – на вытянутых руках держала оплетенный корнями земляной ком. Длинные сломанные листья болтались на тонких сосудиках-прожилках.

– Мы цветы решили пересадить, пока вас не было, – пояснила Машенька, словно Петр Аркадьевич с детства слыл законченным идиотом, и ему нужно все объяснять медленно и вдумчиво. – Горшок упал и разбился.

– Разбился? – Сухопаров недоуменно взглянул на осколки. Голова кружилась.

– Ну да... Взял и разбился. Почему-то.

– Другой есть? – хрипло спросил Сухопаров.

– Есть. Только цветок все равно сломался. Не выживет.

– Дайте!

Оленька услужливо подставила керамическое кашпо.

Сухопаров наклонился и зачерпнул ладонями землю, на мгновение показалось, что ее стало еще больше. Тело пронзила невероятно сладостная дрожь. Дрожащими же руками он взял у Машеньки истерзанное зеленое тельце и бережно уложил на черную, благоухающую весной и жизнью рассыпчатую подушку, присыпал новой порцией земли и погладил сломанные листья, чувствуя, как под его пальцами они оживают и наливаются жизненной силой.

За его спиной восторженно ахнули.

– Воды!

В тот момент, когда вода окропила цветок, и земля вспучилась, медленно оседая, Петра Аркадьевича снова пронзила сладкая судорога. Он застонал от наслаждения.

Еще не понимая, что делает, Сухопаров поднял руки. И по его воле в кабинете поднялся земляной вихрь. Закрутился, сметая бумаги со стола, вырывая тяжелые папки со стеллажей. Девицы взвизгнули, и в тот же момент земля забила им рот и глаза. В круглых глазах застыл ужас.

Сухопарову хотелось убить обоих. Он шевельнул правой рукой, и Машенька закашлялась, выплевывая комья земли. На белой шее билась жилка. Быстро-быстро, в агонии.

Левой рукой Сухопаров отбросил Оленьку к стене. Юбка взметнулась, показав простенькие белые трусики и телесные чулки.

С какой начать? В паху было горячо и тесно.

Девушки мотали головами и выли от страха.

– Ы-ы-ы...

Это тоненькое «ы-ы-ы» отрезвило и вызвало новую волну злобы.

«Есть лучше... Лариса...»

– Вон! – приказал им Петр Аркадьевич.

Вымело.

Один.

Переводя дыхание, подошел к окну, за которым виднелась площадь, изрытая строительной техникой. Кучи песка и земли, запорошенные снегом. Мелькнула шальная мысль: а что, если...

Воздух стал желто-черно-белым, густым и плотным. Тонны земли поднялись вверх, закрутились смертоносной воронкой, всасывая в себя все вокруг.

Сухопаров швырнул экскаватором в Смольный.

Ковш пропорол решетку и протаранил парадный вход.

Истеричные вопли. Сирены. Маленькие человеческие фигурки, распятые тьмой.

Он всемогущ. Вот только что ему с этим делать?

* * *

– Вам звонили.

Казус просмотрел стопку записок с телефонами. Смял и выбросил в корзину.

– Не беспокоить. Не соединять. Встречи отменить. Через десять минут – кофейник и бутерброды.

Секретарша кивнула и вышла. Красиво и бесшумно. Он потратил три года, чтобы научить ее так ходить. И еще полтора, чтобы она научилась красиво и бесшумно думать. Иногда он с ней спал. Она была в него влюблена и надеялась, что когда-нибудь Казус уйдет от жены. Казус не разубеждал: когда-нибудь – это все-таки надежда.

Через десять минут рядом с диваном появился поднос: кофе, бутерброды, пирожные, фрукты. Чуть больше, чем он просил, но без намека на фамильярность. Она знала, что через час-полтора он может попросить пирожные и фрукты. А так никто никому не будет мешать.

Она – ему. Он – ей. Все честно. Пакт о ненападении. Ровно в шесть она покинет приемную, и он останется в офисе один. Янтарный поднос на стеклянной круглой столешнице странен и чужероден. Ровно до того момента, как в окно ударил луч заходящего солнца. Еда, посуда, стол – все вспыхнуло ярким светом, и почти тотчас же краски были остужены догорающим янтарем: и стол, и еда окрасились в мягкий золотистый цвет с красными проблесками. Все показалось настоящим. И сам Казус был в этот момент настоящим – из плоти и крови, нервов и сомнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.